

Виталий Полищук

И на этом все...

*Монасюк А. В. —
Из хроник
жизни —
невероятной
и многообразной*

Виталий Полищук

**И на этом все... Монасюк А. В. –
Из хроник жизни –
невероятной и многообразной**

«Издательские решения»

Полищук В.

И на этом все... Монасюк А. В. – Из хроник жизни – невероятной и многообразной / В. Полищук — «Издательские решения»,

А. Монасюк, недовольный к 58-летнему возрасту своей жизнью, переселяется в себя самого в возрасте 17 лет. Он пытается обмануть судьбу, для этого — переделать, прожить по-иному свою жизнь. Сначала ему это удастся, но... К 58-летнему возрасту выясняется, что удастся далеко не все. И он вновь пытается хоть что-то изменить в собственной судьбе.

Содержание

Обращение	6
Вступление	7
Часть 1-я. Школьные годы чудесные...	8
Глава 1-я. Варвара Рукавишникова	8
Глава 2-я. Наши учителя	16
Глава 3-я. Наши родители	27
Глава 4-я. Друзья	31
Глава 5-я. Как мы «дружили»	39
Глава 6-я. Первая любовь	43
Глава 7-я. Одноклассники	46
Глава 8-я. Наш досуг	53
Глава 9-я. Наши мечты	59
Глава 10-я. Каким же я был?	61
Глава 11-я. Новый 1966-й, год – и вновь Рукавишникова	65
Конец ознакомительного фрагмента.	67

И на этом все...
Монасюк А. В. – Из хроник жизни –
невероятной и многообразной
Виталий Васильевич Полищук

© Виталий Васильевич Полищук, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Обращение

Дорогие мои друзья юности – одноклассники!

Выпускники 1966 года из 11 «В» класса Благовещенской средней школы №1!

Это издание я осуществляю специально для вас – моих друзей далекой юности.

Когда-то многие из вас ожидали, что я многого добьюсь в жизни, да что там, вот передо мной лежит фотография Валюши Ивановой с ее пожеланием – «Будущему министру...»

Увы, друзья, не оправдал я ваших надежд. Не добился я социально-значимых высот, да и материального благополучия тоже.

Но глупее я от этого не стал. И вот уйдя на пенсию, стал писать.

И однажды, вспоминая вас (а это почему-то стало происходить все чаще) я решил написать роман о том, а какой бы я хотел прожить свою жизнь. Чего добиться, как по-настоящему стать счастливым...

Да, моя жизнь не удалась такой, какой бы я хотел. Но ведь мечтать не вредно!

И я решил написать роман-мечту, и поделиться ею с вами.

Конечно, в романе гораздо больше вымысла, чем правды жизни, но это ведь – роман, а не воспоминания-мемуары. Поэтому большинство имен я изменил, события – реконструировал и передал так, как это необходимо согласно сюжетной линии.

Так что не ругайте меня за искажение правды, все время, читая, помните, что это – всего лишь роман. Сочинение, вымысел...

Хотя, конечно, так хочется, чтобы все это оказалось правдой. И какое счастье, если бы это все можно было пережить в реальности, вновь.

Снова, вместе с вами, вновь оказавшись юными и молодыми.

Как бы то ни было, помните, что я очень люблю всех вас. И всех вас помню...

ИСКРЕННО ВАШ

Просто Виталька Полищук

Действие романа основано на реальных событиях. Но не следует тем не менее искать какого бы то ни было сходства с конкретными лицами, а также проводить аналогии с реальными событиями прошлого и настоящего.

Автор

ШКОЛЬНЫМ СВЕТЛЫМ ГОДАМ, ШКОЛЬНОЙ ДРУЖБЕ И ПАМЯТИ ДРУЗЕЙ
ЮНОСТИ ВСЕХ ВРЕМЕН – П О С В Я Щ А Е Т С Я.

ЛЮБЯЩИМ И ЛЮБИМЫМ ЖЕНЩИНАМ – П О С В Я Щ А Е Т С Я

ВСЕМ ИСПОЛНИТЕЛЯМ РУССКОГО ШАНСОНА,
ЛЮБИМОГО МНОЮ ВСЕМ СЕРДЦЕМ П О С В Я Щ А Е Т С Я

В. ПОЛИЩУК

Вступление

Наверное, каждый из нас в какие-то минуты горько сожалеет о том, что не может вернуться назад, в прошлое, и изменить свою жизнь.

Вы скажете, есть люди, которые никогда не сожалеют о прошлом и поэтому не вспоминают о нем? Позвольте с вами не согласиться.

Нет людей, никогда не пожалевших о прошлом – это противно человеческой природе, человеческому разуму, который постоянно неудовлетворен тем, что имеет и ищет что-то, хочет чего-то. Но ведь истоки этого неудовлетворения и недовольства реалиями всегда в прошлом. В ошибках, допущенных на жизненном пути – вот в чем некий дискомфорт настоящего. Так что – не верьте, что есть те, кто не вспоминает свое прошлое.

По крайней мере, я таковых не встречал.

Не все, но многие, кроме сожаления, испытывают иногда желание вернуться в свое «позавчера» и исправить ошибки, и переделав прошлое, изменить свою жизнь.

Уж так случилось, что именно мне предоставилась такая возможность. И я до сих пор в точности не знаю, почему и как все произошло.

Почему это удалось именно мне, (причем не только мне самому, но и кое-чему материальному, что я держал в руках в момент перемещения), я до сих пор не знаю.

Но вот сейчас, когда мне исполнилось почти 60 лет, я волею обстоятельств засел за этот роман, потому что мне хочется теперь проанализировать свою жизнь. И снова вспомнить все, как было...

Сначала – до меня, то есть до переноса сознания 59-летнего Монасюка Анатолия Васильевича в собственное тело в далекий теперь 1965 год. И описать некоторые события собственной жизни до того, как я стал не просто семнадцатилетним юношей, а неким сплавом себя нынешнего – и будущего. Симбиотическим существом, причем – себя с собой же.

Именно с этого я и начну. Итак, время действия – осень 1965 года. Мне было тогда 17 лет.

Часть 1-я. Школьные годы чудесные...

Глава 1-я. Варвара Рукавишникова

Я вышел из школы последним из класса. Просто так получилось, случайно – классный час закончился раньше, чем последний шестой урок, и все быстренько разошлись. А меня оставила Зинаида Петровна, классная руководительница нашего 11 «В».

Впрочем, не только меня. Еще нескольких учеников из класса.

– Вот что, ребята, – сказала она. – Мы посоветовались с Иваном Ивановичем, и вот что подумали...

Иван Иванович Топляков был мужем нашей «Зинаиды». И директором нашей школы. Внешне он был реликтом – всегда носил темно-синего шевюта френч и галифе, а на ногах – хромовые сапоги. Наверное, как он вышел из сталинских времен в такой одежде, так в ней и остался навсегда. Я проучился в школе восемь лет, и лишь изредка видел его в обычном костюме – Зинаида Петровна жаловалась как-то моей маме (мама – тоже учительница, и работала в одной школе с нами), что платяной шкаф у них дома полон костюмов, внизу стоят несколько пар туфель, но Иван Иванович носит только френч и галифе. А когда они начинали стареть и протираться – немедленно заказывает в ателье нашего районного промышленного бытового комбината («Промбыткомбинат») новую пару сталинских времен. И таким образом мы видели его всегда одинаковым.

– Так вот, вы все – имеете возможность получить серебряные медали. Школу вы заканчиваете в этом году, сейчас у вас у каждого какой-то один предмет наверняка будет по итогам и года, и экзаменов с оценкой «четыре». Но вот остальные четверки – при желании вы можете сдать экзамены по этим предметам на «отлично», и тогда у вас в аттестате будет одна оценка «4», а значит – вы имеете право на медали.

Итак, у каждого из вас есть один предмет, который теперь уже не изучается, а по нему у вас в свидетельстве о восьмилетнем образовании – «четыре». Ну, например, у Монасюка – четверка по «Основам государства и права», вы этот предмет изучали в 8-м классе, и теперь оценку за него тебе, Толя, нужно будет исправить. Чтобы иметь пятерку в этом году по обществу.

Иван Иванович договорился в районо, нам разрешили создать комиссию и в течение учебного года, в удобное для вас время, вы можете подготовиться и сдать экзамены. И исправить ваши четверки на пятерки. В аттестаты в этом случае вам пойдут новые оценки, а не те, которые были в Свидетельстве об образовании за 8 класс.

Мы сидели, раздумчиво глядя «в никуда». Какого черта – мы не хотели ничего пересдавать, потому что вообще пока ничего не хотели... Еще недавно было лето, мы отдыхали, знакомились с девчонками и мальчишками, и хотя началась уже вторая половина сентября, мы еще не включились полностью в учебу, и нам не хотелось перенапрягаться... Ну, заканчиваем школу, ну, в этом году, но ведь до конца-то учебного года еще так далеко! Целых девять месяцев!

«А-а-а, ерунда какая-то», думали мы, слушая нашу «классную».

– В общем, вы подумайте, и потом подойдете ко мне. Все, можете идти! Кто дежурный сегодня по классу?

– Так убежали они! – хором сказали мы.

– Тогда Куницына и Бобров, остаются мыть полы!

Мы дежурили парами и каждый день после занятий убрали класс. Мыли полы, поливали цветы, вытирали пыль, а также доску от мела.

– Вот, например, тебе, Нелля, – сказал я Куницыной, когда «Зинаида» вышла из класса. – Тебе предстоит поднапрячься, и не только пересдать черчение, но и вымыть полы...

Нелля развернулась в мою сторону, и швырнула в меня набитой меловой пылью «тряпкой от доски», но я уже выскочил за дверь класса и захлопнул ее за собой. Наверное, она все-таки попала тряпкой – в дверь!

Вот так я и оказался в парке один.

Еще шел шестой урок, коридоры нашей школы были пусты, и я спустился по лестнице, держа в руках пальто, на первый этаж. Через узкий тамбур я вышел наружу через обе двери, и пошел по асфальтовой аллее, обсаженной все еще зелеными кустами акации, к выходу за пределы школьного двора. Аллея выходила прямо на улицу Ленина, справа осталась улица Центральная и озеро, которое располагалось в центре поселка, а прямо передо мной была калитка в ограде нашего парка.

Я шел по аллее, по правую руку осталась огороженная деревянным штакетником летняя танцплощадка – сейчас пустая, деревянный пол ее покрывали кое-где осенние листья, которые роняли окружающие площадку со всех сторон высокие клены и тополя.

В парке было пусто. Скоро должен был зазвонить звонок, и тогда по аллее, которой я шел теперь, пойдут, побегут и прошагают, каждый в зависимости от темперамента, мои товарищи – учащиеся средней школы номер один.

А в данный момент здесь было пусто.

Не доходя до выхода из центральных ворот парка, я свернул влево и по тропинке прошел к скамейке. Ее окружали высокие кусты сирени, и листья с них еще не начали осыпаться. Но на самой поверхности скамьи и спинке, из квадратного сечения деревянных брусков, прикрепленных к трем массивным чугунным округлым ножкам, немногие пока еще желтые кленовые листья уже лежали.

Поставив портфель на сидение, я надел на себя, наконец, пальто, и, стряхнув ладонью листья, сел на край скамьи. Я вытянул ноги, развел в стороны руки и сладко потянулся. А потом, откинувшись на спинку, прикрыл глаза и решил посидеть несколько минут. Ни о чем не думая, просто отдохнуть вот так, минут десять-пятнадцать. И подышать напоенным осенней свежей лиственной прелью пряным прозрачным воздухом.

Ни о чем конкретном я не думал. Передо мной был редкий штакетник ограды, за ним, прямо на асфальте улицы Озерной, стояла такая же точно выкрашенная зеленой краской скамейка, как и та, на которой сидел я.

Она была пустой.

Лениво повернув голову, я посмотрел налево. Там, сразу за высокой оградой парка, стоял с края площади памятник Ленину. Ко мне Владимир Ильич стоял спиной. Он смотрел перед собой, в левой руке, прижатой к груди, у него была скомканная кепка, а правой он указывал вперед, к победе коммунизма!

Но это он так думал (если памятники способны думать), что он указывает на дорогу к светлому будущему. А на самом деле – наши боговещенские мужики говорили, что он указывает на дежурный продовольственный магазин, который был прямо на противоположной стороне площади, как раз перед Владимиром Ильичом. Вообще-то для местных алкоголиков, это и был путь «в светлое будущее»...

Именно в дежурном магазине, который открывался в восемь утра, они поправляли здоровье, покупая дешевое плодово-ягодное вино за 1 рубль 03 копейки. И выходя из магазина, прямо тут же, из горлышка, утоляя жажду, они, задирая при этом голову, видели Ленина,

рукой указывающего им путь к спасению... Впрочем, они и без него прекрасно знали этот путь, но выпив живительную дозу, не забывали сказать: «Спасибо!» Владимиру Ильичу.

Но на площади частыми обитателями были не только «страждущие живительной влаги». Именно по ней ходили многие из нас в школу – и из школы, особенно – если нужно было убить время. Кроме дежурного магазина, на площади находился районный универмаг, в котором был книжный магазин. Мы ведь все почти читали, читали постоянно, запоем. Поэтому в книжный магазин мы заходили чуть ли не ежедневно – то, что позднее станет дефицитом: фантастика, приключения, детективы, в середине шестидесятых годов продавались на прилавках, а не прятались под них.

А стоили тогда книги от 30 до 60 копеек за одну, и вот увидев нужную книжку, мы с моим другом Миутой просили продавщиц придержать ее на часок, и бежали к родителям.

Его мама была редактором районной газеты, а мой отец – районным судьей. Тот, кто первым из нас выпросит у родителей заветный полтинник, становился обладателем книги. А второй – как говорится, кто опоздал – тот не успел... ну, вы понимаете. Читали же книгу мы все равно оба, по очереди, причем особенно хорошие книги перечитывали по десятку раз. Это было время, когда поднимались на творческий Олимп братья Стругацкие, да и многие другие. После прихода Никиты Сергеевича Хрущева в некоторых сферах жизни произошли серьезные изменения. В частности – в культуре, и вот на содержании книг изменения на вершине власти сказались определенно.

Да, а Валера Миута не только мой лучший друг, но и одноклассник. И жили мы в домах рядом, через ограду, на улице Кучеровых.

Мы были настолько близкими друзьями, что даже проделали калитку в разделяющей наши усадьбы ограде. Чтобы не ходить друг к другу в обход, через уличные ворота.

А прямо рядом с площадью находился РДК – районный дом культуры. Но туда мы ходили только при посещении библиотеки. И вечерами на танцы.

Вот летом танцы были трижды в неделю на открытой танцплощадке в парке, а с наступлением октября – и до мая месяца они переносились в танцевальный зал РДК. Здесь также, как и летом на танцплощадке, всегда играл эстрадный квартет, вход стоил 30 копеек, и молодежь таким образом могла отдыхать круглый год.

А кстати, с площадью и памятником Ленину связан один курьезный случай. Имеющий серьезное политическое значение районного масштаба.

Дело было 7 ноября году эдак в шестьдесят первом или втором – точнее не помню.

Как обычно на 1-е мая и на 7-е ноября, на площади проводились м е р о п р и я т и я. По форме это были нечто среднее между праздничной демонстрацией – и митингом. Делалось это так.

На площадь стройными колоннами выводились учащиеся школы, курсанты ГПТУ, а позднее после того, как было открыто медучилище – студентки училища.

Сюда же прибывали колонны основных промышленных предприятий райцентра, вплоть – до совсем небольших вроде РЭУ, работников райпищепрома и Промбыткомбината. Все выстраивались шеренгами и колоннами по периметру площади.

А возле памятника Ленину к этому дню возводилась трибуна. Из досок, украшенных красными кумачовыми полотнищами с лозунгами.

Часов в 10 утра на трибуну поднимались районные руководители (включая наших с Миутой мамы и папы) и кто-то говорил речь, потом выступали передовики производства. А мы тихонько развлекались. Но это – 1 мая, обычно в этот день было тепло. А вот на 7-е ноября почти всегда было холодно, и мы отчаянно мерзли. Я имею в виду учеников. Потому

что в колоннах взрослых грелись старым проверенным способом: употребляли «по рюмочке, по маленькой...» Только пили не рюмочками, а стаканами...

И самое противное, что основную массу митингующих составляли именно учащиеся школы. И поэтому нас на площадь выводили первыми, часов в 9 утра. Как раз в это время начинался восход, и как известно, на рассвете мороз всегда наиболее «продирающий». До костей!

И вот в тот год было холодно, нас вывели рано, мы замерзли и жаждали лишь одного – пусть поскорее все начнется и побыстрее закончится.

Накал нашего ожидания достиг пика примерно через час. К этому времени рассвело, прибыли все участники, которых расставили по местам, вот-вот на трибуну должны были взойти местные вожди. И именно в этот момент, со стороны райкома партии (а он был как раз напротив РДК), на углу улиц Ленина и Кучеровых, кто-то выпустил поросенка.

Нам потом говорили, что это случайность, что он вырвался из свинарника на соседней улице и увидев столько народу, испугался... И тогда я верил этому – мне ведь было лет двенадцать, ну, может на год больше. Но вот сейчас я думаю – если бы он появился на полчаса раньше, или позже, это могло быть случайностью. Но именно в тот момент...

Да нет, точно кто-то выпустил вполне сознательно поросяку!

Как раз из дверей райисполкома, а он находился напротив входа в парк (да я сейчас, сидя на скамейке, мог видеть его прямо перед собой, сквозь ветви кленов прямо через улицу) начали выходить наши руководители. И вдруг – поросенок.

Милиционеры бросились поросенка ловить. И это было ошибкой – если бы они не торопясь, стали оттеснять его в сторону трибуны, а там уже, прижав к парковому ограждению, бросили на него, все бы и обошлось. Ну, похмыкали бы в колоннах, да и все.

Но милиционеры растерялись. А тут еще начальник милиции выбежал на середину площади и как закричит:

– Что это! Убрать свинью, немедленно!

Милиционеры бросились на поросенка. Поросяенок завизжал и бросился наутек. Милиционеры – за ним. Кое-кто из них упал, при этом выражаясь нецензурно, начальник милиции кричит, а колонны взорвались хохотом.

Причем симпатии собравшихся были на стороне несчастного поросенка, который от шума одурел и носился по площади, громко вереща и не даваясь в руки милиционеров. Районное начальство тем временем вернулось обратно в здание райисполкома.

Не помню уж, кто и как обезвредил нарушителя, но мероприятие оказалось сорванным. Когда получасом позже был восстановлен порядок, на трибуне стояли те, кому всегда предназначено было на ней стоять, и первый секретарь райкома партии товарищ Астраханцев начал читать доклад, то здесь, то там в колоннах то и дело вдруг вспыхивал беспричинный смех, его душили в зародыше начальники колонн, но он тут же начинался в другом месте.

Доклад был скомкан, выступающих в тот раз не было, и все мы, как обычно, прошли мимо трибуны, махая флажками и выкрикивая «Ура!!!», но даже в этот торжественный момент вдруг ни с того ни с сего начинали хохотать...

И вот после этого раза нас уже на демонстрации не водили. Участвовали только взрослые. Ну, и курсанты ГПТУ-37, а также студентки медучилища.

Так что поросенок сослужил нам, школьникам, недурственную службу.

Вот так я лениво гонял мысли в голове, не открывая глаз. Я не изменил позы и после того, как справа от меня раздались шум и голоса: шестой урок закончился, и мои товарищи расходились по домам, при этом они потоком текли по центральной аллее парка, не сворачивая в мою сторону.

Но тут сбоку рядом со мной послышался шорох.

Я шевельнулся, меняя положение, подвигал начинающими затекать ногами. Засунул руки в карманы своего демисезонного пальто, сжав зябко плечи и, открыв при этом глаза, увидел, что я на скамейке уже не один.

Справа на краешке, на сидении сидела Варвара Рукавишникова, девчонка из параллельного «А» класса. В своем щегольском светлом плаще, с яркой косынкой на шее и белом большом берете, который она носила, сдвинув влево, так, что ее светлые густые пшеничного оттенка волосы прядями прикрывали правое ухо и часть лица.

Это у нее был такой стиль. Обязательно одного тона пальто или плащ, берет, туфли – и контрастирующие с ними косынка или шарф – на шее.

Я вынужден был открыть глаза. И скосить их в ее сторону.

Рукавишникова сидела, вытянув далеко вперед свои длинные ноги в кожаных светло-коричневых ботах и смотрела перед собой. Ноги – это ее гордость. Девочки из нашего класса нам как-то говорили, что Рукавишникова, кроме лета, ходит только в капроновых чулках. Чтобы ее красивые ноги бросались в глаза. Ну, а летом, естественно, как и все, она ходила вообще без чулок.

Наверное, подумал я, она и сейчас смотрит не перед собой, а на ноги.

Однако я ошибался. Она смотрела на листья под ногами.

Потому что то и дело шевелила носком бота шуршащую высохшую листву. И при этом косилась в мою сторону.

Интерес этот был мне непонятен. Все мы Рукавишникову побаивались и избегали. Она была, не как мы, она была другой.

Появилась Варвара Рукавишникова в нашей школе года два назад. Ее отец, инженер, приехал работать к нам на элеватор в «Заготзерно». Так мы называли поселок за железнодорожной линией – наша Боговещенка вся располагалась с одной стороны железнодорожной линии Барнаул-Кулунда, и вокзал – тоже на нашей стороне. А вот в полукилометре примерно, с другой стороны «железки», как раз напротив вокзала, и находился собственно элеватор, цеха по переработке зерна, и поселок, в котором жили рабочие и инженеры. И называли все это одним словом – «Заготзерно».

И в школу ребята из «Заготзерна» добирались так: доходили до «железки», переходили ее, и у вокзала садились на один из кольцевых автобусов. Эти два автобуса ходили навстречу друг другу по круговому шоссе маршрутом: Автовокзал, железнодорожный вокзал, Стройпоселок, районное автохозяйство, и по улице Гаражной – вновь на автовокзал. Мимо улицы Кучеровых, на которой стоял мой дом, и по которой все, кто приезжал автобусом, шли в нашу школу. По площади мимо памятника Ленину, либо через парк, по центральной аллее, минуя танцплощадку.

Отец Рукавишниковой был то ли главным инженером «Заготзерна», то ли еще каким-то начальником. А ее мать – работала на элеваторе. Тоже каким-то руководителем.

Так вот, мы, выросшие в Боговещенке, одевались немного скромнее. Серовато, что ли, по сравнению с Варварой. Рукавишникова оставалась и по одежде, и по повадкам городской девочкой.

Она была независимой, резкой и капризной. Ее баловали дома – она была единственной дочерью.

И она была очень красивой. У нее были большие голубые глаза, красивого рисунка черные брови и губы, а волосы – копна пшеничного цвета русых волос, из которых она делала частенько умопомрачительные прически. А иногда – заплетала их в толстую косу, которую перебрасывала через плечо на грудь.

Осенью и весной на своих длинных ногах она носила только боты, а вот зимой – сапожки. Наши девочки в морозы носили валенки, да и мы, мальчишки, от валенок не отка-

зались, не смотря на то, что в то время уже были зимние мужские ботинки из войлока, обшитого по низу кожей.

А вот Рукавишникова ходила только в сапожках. И в капроновых чулках.

Только представьте себе – раннее утро. Потоком вливаются в двери школы ученики... Зима, мороз градусов под тридцать, в дверях каждый задерживается – Иван Иванович лично проверяет внешний вид... Мы топчемся в валенках, и девчонки и мальчишки в одинаковых шапках-ушанках на головах, тогда мода такая была – все поголовно носили ушанки. Из цигейки, кролика.

И вдруг появляется Рукавишникова. В сапожках, светлом зимнем пальто. Ушанка на голове как-то замысловато сдвинута набок, часть лица прикрывают пряди волос, на шее – ярчайший мохеровый шарф, на руках – такие же яркие перчатки, причем портфель отчего-то в ее руке смотрится не как ученический реквизит, а навряд ли дамской сумочки...

И все невольно расступаются, и она идет прямо к двери, а здесь ее останавливает Иван Иванович и говорит дежурную фразу:

– Внешний вид, Рукавишникова! Шапка!

У девочек тогда считалось шиком носить непришитой переднюю часть шапки-козырек, и он как бы свисал вперед под углом 45 градусов. Увидев такой козырек, Иван Иванович выдергивал очередную жертву моды из строя, вручал иголку с ниткой и заставлял тут же козырек пришить.

У Варвары козырек пушистой шапки вызывающе торчал вперед. Но она, не останавливаясь, брала портфель под мышку, снимала шапку и за нитку изнутри подтягивала козырек на место. Надев ее, она принимала вид добросовестной ученицы и вдернув голову, проходила мимо директора внутрь.

– Ну, Рукавишникова! – качал головой Иван Иванович и принимался за прерванное дело – наводить порядок в своей школе. И очередная жертва тут же, на морозе, большой иголкой делала несколько проколов и затяжек и с пришитым козырьком проходила в школу. Чтобы сразу же, за порогом, снять шапку и вновь отодрать ее козырек.

Но главный спектакль у дверей в школу происходил всего один раз в году, но зато повторялся ежегодно.

Числа 10-го мая мы обычно дружно, не сговариваясь, но как-то одновременно приходили в школу, одетые по-летнему, то есть без пальто и плащей и без головных уборов.

Тем не менее, Иван Иванович по-прежнему встречал нас у дверей, хотя повода, как будто, теперь у него и не было: шапки мы давно сняли, фуражек почти никто не носил.

Но это только кажется, что повода не было.

Иван Иванович вплоть до окончания учебного года контролировал наши прически.

– Подстричься! Завтра проверю, – говорил он своей жертве, и никогда не забывал назавтра проверить выполнение своего требования. И хотя училось нас в школе около тысячи человек, он знал каждого.

И вот идет таким манером процесс, но вдруг в конце очереди, выстроившейся к дверям школы, раздается шум. Все тут же оборачиваются, тянут шеи, чтобы разглядеть причину всеобщего волнения. Это, естественно, Варвара Рукавишникова.

В туфлях на каблуках, в кофте, создающей обманчивое впечатление прозрачности (гипюр на газовом подкладе), в короткой мини-юбке. Причем она всегда носила юбки из клетчатой ткани.

На голове – замысловатая пышная копна с крупной заколкой сзади, на шее ярчайшая газовая косынка.

Выглядит лет на двадцать, а в руке – обыкновенный школьный портфель, что создает ощущение сюрреализма. Абсолютного несоответствия.

И конечно, голова вздернута вверх, смотрит перед собой и, вроде бы, никого не видит. Апогей этого представление – встреча на пороге школы. Она – и директор школы.

– Это что такое! – Иван Иванович багровеет, начинает заикаться. – Рукавишникова, как ты выглядишь?!!

– А как? – невинным голосом спрашивает Варвара. Она косит глазами по сторонам и уже вполне удовлетворена произведенным впечатлением.

– Что на тебе надето? – не успокаивается директор школы.

– В каком смысле? – удивляется Варвара.

– Завтра! Завтра придешь с родителями!

Варвара, вздернув подбородок, проходит мимо него в школу. На следующий день она приходит в юбке до колен, с косой через плечо, в сопровождении отца.

Не знаю, что говорит в своем кабинете Рукавишникову-старшему наш Иван Иванович, но до конца учебного года, то есть недели две-три Варвара не очень выделяется среди девочек школы. А с наступлением каникул непременно появлялась вечером на Бродвее (так называли мы улицу Центральную, по которой молодежь поселка гуляла по-над озером и около парка) в короткой клетчатой юбке-шотландке и непременно с большой шелковой цыганской шалью на плечах.

Надо отметить, что контраст светлых волос, волнами лежащих на ее черной шали, был потрясающим!

Вот этот эпатаж, какая-то эксцентричность отпугивали от нее и девчонок, и мальчишек. Она была одна – гордая, своенравная и независимая. У нее не было подруг, не было и мальчика-друга.

Как я уже сказал, мы ее побаивались. И сторонились.

И вот посреди вновь опустевшего парка, под шорох то здесь, то там медленно опускающихся на землю листьев, на скамейке сижу я. А рядом – Рукавишникова.

Я был истинным сыном той эпохи – «зажатым», не имеющим представления об отношениях между мужчинами и женщинами кроме тех, о которых с сальными ухмылочками рассказывали мы друг другу. Я жутко комплексовал перед девчонками. Ну, и конечно, не то, что спать с женщиной – я и не целовался еще ни разу!

Ощущение присутствия рядом не просто девочки, а именно Варвары Рукавишниковой вызвало мне чувство глубочайшей скованности. Я не знал, что делать, что говорить. Я молчал, застыл, как столб.

Варвара, ковырнув носком модного бота листья, лежавшие перед ней, негромко сказала:

– Здорово все-таки осенью, правда?

Я молчал. Я не знал, что говорить. Да я просто-напросто стеснялся.

«Хорошо Рукавишниковой!, думал я. Она опытная»...

Среди нас о Варваре, как о всех наиболее красивых девчонках, болтали всякое. И что она... И говорят, вот с тем...

И ведь все понимали, что это – ерунда, но слушали ложь – и тут же сами, придумав другую ложь, выкладывали ее с горящими глазами.

Между тем Варвара сказала:

– Я люблю осень. Красиво, и как-то спокойно. А ты?

Я зашевелился, потом пробормотал: «Угу! Мне идти надо!»

И сбежал. Схватил портфель и ушел быстрым шагом, и чувствовал, что Рукавишникова смотрит мне вслед.

И когда я шел с другой стороны ограды парка, я увидел, что она медленно встала со скамейки, поправила косынку на шее, и зачем-то ладошкой стряхнула листья с поверхности скамейки. Потом взяла портфель и как-то медленно пошла к выходу.

А я поспешил домой.

Глава 2-я. Наши учителя

Наверное, обязательно нужно сказать о наших учителях. Прежде, чем рассказывать о своих друзьях, о досуге, о том, чем и как мы тогда жили.

Вообще у нас были очень хорошие учителя. Например, Мария Ивановна Мехова, учительница химии.

Я не знаю, почему она выделила когда-то наш класс. Но сразу после начала изучения химии, в 7-м классе, она уделяла нашему «В» все свободное время.

Она организовала только для нашего класса «В» химический кружок, который посещали человек 25 из сорока. Классы у нас были максимально заполненными, в каждом – 40—45 учащихся.

Каждый день после занятий мы до вечера в кабинете химии проводили химические опыты, слушали рассказы Марии Ивановны. Она любила нас, а мы – ее. Частенько, увлекаясь, она забывала о времени, и тогда мы напоминали ей в конце дня, что нужно забирать ее дочек из детского сада, и кто-нибудь из нас бежал в детсад, одевал девочек и держа их за ручки, приводил к нам в химкабинет.

У Марии Ивановны были потрясающие девчонки. Одной – 5 лет, а другой – 4. И они были совершенно разные.

Старшая – голубоглазая, светловолосая, вселяла надежду, что из нее вырастет новая Рукавишникова. Внешне, только внешне!

А вторая была смуглой брюнеткой. Темноглазой и черноволосой, как Мария Ивановна.

И вот представьте картину – Мария Ивановна что-то объясняет, мы возмемся с пробирками, а в конце кабинета в это время кто-то из нас, учеников, возится с девочками – рисует с ними, книжки с картинками рассматривает...

И так – до темна!

В конце 1-го года изучения химии в нашем классе 22 человека имели только пятерки по этому предмету.

Моя мама говорила, что Марию Ивановну частенько критиковали за непедagogические приемы в отношениях с учащимися. За что? Ну, например, вот такой пример.

Идет урок, Димка Романескул разговаривает. Мария Ивановна всегда объясняла учебный материал увлеченно, и ей страшно неудобно отвлекаться от объяснения. Она делает замечание Димке, он не успокаивается, и она тогда нам говорит:

– Монасюк, Миута! Ребята, выбросите его из класса!

И продолжает объяснения, рисуя на доске схемы, пишет формулы...

Мы встаем, «принимаем» под локотки Романескула, и не взирая на его лепет: «Ребята, да вы чего! Да не буду я больше!», подводим его к двери и мощным броском вышвыриваем «неслуха» из кабинета химии... Сами на цыпочках возвращаемся на место, вслушиваясь в объяснение, чтобы не пропустить ни слова...

Кто-то из учителей в коридоре видит вылетевшего снарядам из кабинета ученика. Ну, и в результате на ближайшем педсовете наша любимая учительница получает головомойку...

Но в следующий раз все повторялось примерно так же. Уж слишком увлеченно мы все: и она, и мы, ее ученики, изучали химию...

Так мы с Марией Ивановной занимались химией до 9 класса. А потом учитель по химии у нас сменился (Мария Ивановна вела первоначальный курс химии), мы начали быстро взрослеть, становились ленивыми и беззаботными, и интересовал нас лишь досуг.

Правда, как я уже говорил, почти все мы всегда много читали.

Интересные отношения лично у меня складывались с учительницей биологии Марией Алексеевной.

Можно сказать, что биологию я изучал в е с е л о. В каком смысле? Поясню.

Классе в 6-м и 7-м, например, у нас как-то завязался с Марией Алексеевной спор.

Я доказывал, что могу списать на любой письменной «контрольной» по биологии. Мария Алексеевна считала, что это я сделать этого нипочем не смогу.

«Ударили по рукам» – я обязывался, списав, каждый раз доказывать, что это так, а Мария Алексеевна, если не сможет меня поймать, не смотря на такой вот факт грубейшего нарушения мною дисциплины, обязалась ставить мне «пятерку».

А если поймает – поставит «пару», как и положено за списывание.

Ну, нужно сказать, что биологию я любил и фактически знал этот предмет на отлично.

Так и повелось! После очередной контрольной работы я подходил к учительскому столу и открыв тетрадь, зачитывал из текста выполненной мною контрольной вслух один из абзацев параграфа учебника, который содержал соответствующий контрольной проверке материал. Этот параграф мною слово в слово переписывался из учебника.

Мария Алексеевна, смеясь, ахала и охала, с видимым недовольством ставила мне в журнал пятерку, весь класс, естественно, ликовал, ибо я осуществлял то, о чем мечтает всегда каждый ученик – безнаказанно «сдувал» материал контрольной. И она каждый раз пыталась узнать, как я «списываю», но я молчал, как партизан!

А фокус был прост.

Мы тогда сидели за партами с откидывающимися крышками. Петли, на которых крепилась крышка, находились примерно сантиметрах в пятнадцати от края, и вот эти крышки с петлями образовывали на поверхности парты щель, примерно в полсантиметра шириной. На перемене я открывал учебник на нужной странице и клал его открытым в портфель.

Перед началом контрольной Мария Алексеевна подходила ко мне, проверяла мои карманы, рукава, заглядывала в паз парты, куда мы клали портфели. Мой паз был пуст, как бы приготовлен для проверки, портфель лежал рядом на сидении.

Мария Алексеевна тщательно проверяла меня. С серьезным лицом, в то время как класс веселился, наблюдая за процедурой. Самой же учительнице была тоже смешно, но она сдерживалась и старалась быть серьезной и строгой.

И вот когда она заканчивала и шла к своему столу спиной ко мне, я должен был успеть бесшумно достать открытый учебник, засунуть его, придерживая коленом, в паз текстом вверх, так, чтобы строчки были видны в щель на парте.

Когда Мария Алексеевна бросала на меня свой взгляд, я уже сидел, сложив руки на парте перед собой, и имел вид умненького и послушного мальчика.

А дальше – дело техники. учебный материал я знал прекрасно, заглянув в щель, я определялся, какое именно место параграфа находится передо мной. И писал по памяти, пока не доходил до абзаца, который нужно было списать из учебника.

Тут я начинал осторожно левой рукой подталкивать учебник вперед, заглядывая и щель и списывая текст строчка за строчкой, дословно и до единой буквы.

А потом быстрым движением закрывал книжку и оставлял ее в глубине парты. И дописывал по памяти материал контрольной работы.

После звонка я подходил с тетрадью к учительскому столу и зачитывал Марии Алексеевне абзац, списанный мной из учебника.

Вот так мы с Марией Алексеевной соревновались до конца учебного года. Ну, а после годовой контрольной работы я подвел ее к парте и объяснил секрет своей победы.

Но пятерки, полученные по химии и биологии, были заслуженными. Я учил материал и знал его.

Чего не скажешь о двух других предметах. О немецком языке и математике.

И к тому, и к другому предмету я не был предрасположен.

Хотя – кое-кто по немецкому языку ухитрился однажды получить несколько пятерок и в результате – пятерку за четверть.

Жаль, что это был не я – иностранный язык очень плохо давался мне. Все придумал Колька Бобров. И было это в том же седьмом классе.

К нам в Боговещенку приехал откуда-то новый учитель немецкого языка, звали его Карл Карлович (в просторечии, как вы понимаете, Карл Карлыч). Он ездил на мотоцикле, обязательно – в кожаной фуражке на голове и ветрозащитных очках. И поэтому получил кличку «Гиммлер». Ну, по аналогии с Гиммлером – тот носил пенсне, а наш – очки при езде.

И еще Карл Карлыч был рыжим, вышагивал, словно немецкий офицер и разговаривал с нами по-немецки отрывисто и резко:

– Гутен таг! Зетцен!! Ауфштеен!!!

И так далее. Так что кличка была ему определена по заслугам.

Мы его побаивались, но в принципе у нашего класса сложились с ним хорошие отношения. Он не лютовал с оценками, а мы старались что-то понять из его объяснений, и запомнить.

Все испортил Бобров (кличка, естественно, «Бобер»).

Стали мы замечать одну странность. Раньше было как?

Вот прозвенел звонок на урок, вот мы все разошлись по местам, стоим на ногах и ждем, пока зайдет учитель. Открывается дверь, заходит Карл Карлыч, говорит «Гутен таг» (или «Гутен морген» – смотря каким по счету стоит немецкий язык в нашем расписании занятий), отвечаем хором то же самое, и после «Зетцен зи!» садимся на места. И – урок начался.

Но с некоторых пор процедура претерпела незначительное изменение.

После звонка на урок сначала все шло по регламенту, как всегда – но до момента открывания дверей. Теперь в нее сначала заходил Карл Карлыч, а сразу за ним – Бобер, который быстро проходил к своему месту.

Вроде – ну и ладно, нам-то что? Следовало приветствие, потом команда «сесть», а вслед за этим...

Карл Карлыч вдруг стал начинать урок с того, что говорил довольным голосом на чистом русском языке:

– Ставлю Боброву «пять», он хороший мальчик..,

Бобров вставал, осклабясь наклонял голову и садился. А мы чувствовали себя полными идиотами.

Около месяца мы ничего не могли понять. За что в начале каждого урока Бобер получал пятерку по немецкому языку? За что, блин?!!

К решительным действиям нас подтолкнул его приятель Вовик Чернявский, наш одноклассник и сын начальника райвоенкомата.

Однажды следом за Карл Карлычем вошли уже двое – Бобер и Чернявский. То есть обычная процедура претерпела новые изменения. Но это было не последнее изменение, потому что отныне урок начинался такими словами:

– Боброву и Чернявскому я ставлю оценку «пять»! Они – хорошие ученики.

«Хорошие ученики» победно оглядывались, только что языки нам не показывали. Или не «делали козу» пальцами...

Тут уж терпение наше лопнуло. И после вторых незаслуженных пятерок было решено отследить происходящее в коридоре непосредственно перед появлением учителя.

Для этого был отряжен Гриня Каминский. Он притаился на лестнице, которая прямо в середине соединяла коридоры первого и второго этажей школы. Наш класс был на втором этаже, в конце коридора, и «Гиммлер» обязательно проходил от учительской мимо лестницы. Задачей Каминскому определили следующее: сразу же, как только по коридору мимо него прошествует, чеканя шаг, наш учитель, Гриня должен был на цыпочках подняться по лестнице и выглянув за угол в сторону нашего класса, увидеть все, что будет происходить у наших дверей.

Каминский все увидел и рассказал нам.

А мы решили воспользоваться информацией и тоже получить по пятерке.

Когда перед следующим уроком немецкого Карл Карлыч подошел к нашему классу, он увидел выстроившуюся у стенки в шеренгу всю мужскую часть 7 «В», которая при виде учителя громко хором поздоровалась:

– Гутен таг, Карл Карлович!

И дружно низко поклонилась остолбеневшему «немцу».

После чего кто-то из нас открыл дверь и сказал:

– Проходите пожалуйста, Карл Карлович!

Он и прошел. Но почему-то не поставил пятерок пятнадцати «хорошим ученикам», а наоборот, вызвал к доске поочередно Боброва и Чернявского и с нескрываемым удовольствием поставил им по единице.

А к нашему классу с тех пор он стал относиться настороженно, и успеваемость по иностранному языку у нас резко пошла вниз.

Впрочем, он учил нас всего лишь один год, а потом женился и они с женой уехали куда-то.

Но историю эту мы вспоминали частенько. И все время выпытывали «Бобра» – как он додумался до этой штуки? Но Бобров в ответ лишь ухмылялся и помалкивал в тряпочку...

Но самым необычным персонажем среди учительского коллектива был преподаватель математики в старших классах Дмитрий Иванович Любавин.

Он учил нас три года, с 9 по 11 классы. И поэтому многие из нас совершенно не знали математику.

И ведь весь педагогический коллектив знал обо всем, но ничего поделать не мог – Любавину было за пятьдесят, и он в свое время учил и Ивана Ивановича, нашего директора, и завучей, и многих учителей. Потому что работал в нашей Боговещенской школе номер один чуть ли не тридцать лет.

И он жил математикой. Он считал все и везде. Он ел с математикой на уме, он ходил по улицам, мысленно что-то считая и решая задачи. Поэтому он никого не замечал и ни с кем не здоровался.

Он очень своеобразно разговаривал – частенько вставлял перед словами букву «и», а после слова – «к». И выдыхал при этом носом, издавая соответствующий носовой звук – чтобы было понятно, я использую буквенное сочетание «Хм-м».

Вот стоим мы с Миутой на нашей улице Кучеровых у его калитки, держим в руках книжки, которые взяли в библиотеке – нам библиотекари откладывали новинки из книжных поступлений.

Стоим, разговариваем, расстаться, блин, не можем... Мимо идет Дмитрий Иванович.

Мы ему:

– Здравствуйте, Дмитрий Иванович.

А в ответ – тишина... И вдруг, сделав несколько шагов, Дмитрий Иванович резко тормозит. Оборачивается, возвращается к нам, и говорит:

– Ну-к, чевой-то вы там и-читаете (Хм-м)?

– Да вот, Дмитрий Иванович, фантастический роман Казанцева «Льды возвращаются», и еще Стругацких новая повесть.

– Давайте-к, давайте-к (Хм-м)! Я и-прочитаю и вам отдам!

Парадокс был в том, что Дмитрий Иванович, наверное, единственный из учителей любил и читал те же книги, что и мы, молодежь. И никогда не забывал принести нам на урок и вернуть книги. И это – при потрясающей общей забывчивости. Которая проистекала из его увлеченности.

Например, во время урока он поднимает «за разговоры» меня и Миуту и говорит:

– Монасюк и Мивута – явные и-хулиганы! Я вынужден и-пригласить в школу ваших и-родителей (Хм-м!)

И тут же забывает об этой угрозе! Можно было к нему подойти после звонка, поговорить о чем-то – он уже ничего не помнил! За все время учебы я не могу припомнить случая, чтобы Дмитрий Иванович вызвал хоть кого-то из родителей в школу...

Он был влюблен в математику. Он был увлечен ею. И он был наивен, словно младенец – он верил нам «на слово» во всем, это нам-то, пройдохам и разгильдяям!

А в результате мы в подавляющем большинстве не знали математики. Ну, кроме тех, кто просто любил этот предмет и постигал его, так сказать – не взирая на особенности преподавания.

Но в чем же, собственно, эти, так сказать, особенности преподавания нам Дмитрием Ивановичем математики заключались?

Да в том, что на его уроках мы веселились. И в силу некоторых особенностей Дмитрия Ивановича учить его предмет нам не было нужды!

Вот скажите – если по какому-то предмету вы можете не учиться, а хорошие оценки, тем не менее, получать, вы будете сами по себе учить уроки? Ну, из-за сознательности, что ли?

Вот сейчас я бы это делал, да и другие, наверное. Но тогда мы были детьми, я имею в виду – 9-й класс, когда на все три оставшиеся обучаться в школе годы к нам пришел учителем математики именно Дмитрий Иванович Любавин.

А к 11 классу, когда мы были уже практически взрослыми, и понимали в большинстве, что к чему, было поздно: я, в частности, настолько отстал, что тригонометрию просто-напросто не понимал, то же было и с алгеброй. В хрущевской школе высшая математика не изучалась, предмет этот так и назывался – «Алгебра и элементарные функции».

Вот эти-то функции мы элементарно и не знали!

Все дело в том, что Дмитрий Иванович был хорошим человеком, но учителем – никаким. История уже знает подобный пример – Николай 2-й Романов, последний император России. Он тоже был хорошим, мягким человеком, но никаким самодержцем.

Несколько примеров из наших уроков математики.

Начался урок. Дмитрий Иванович сидит за столом, мы – за партами, у доски – Вовка Палкин. Вовка – вечный неуспевающий, в отличие от подавляющего большинства – не только по математике. Дмитрий Иванович смотрит перед собой, но не видит ни нас, ни того, что мы кидаем к доске Палкину скомканные листы бумаги с решением теоремы. Но никак не можем попасть точно к его ногам.

В классе стоит легкий гул. Все занимаются, кто чем. А Дмитрий Иванович погружен в свой внутренний мир, мир цифр, линий и геометрических фигур, и пребывает там, то есть – вне класса.

Но вот по прошествии некоторого времени он возвращается к нам. Он поворачивается к Палкину и доске, видит, как мучится Вова, который исписал (исчеркал) половину доски, но все – как-то не так и не тем, чем надо, и встает. Он быстро подбегает (именно не подходит, а подбегает) к доске, выхватывает из руки Палкина мел, несколькими быстрыми движениями пишет правильное решение, и говорит,

– Ну, и чегой-т ты задумался? Вот так и-правильно! И-сядь, чятыре!

После чего он ловким движением хватал сухую полную пыли меловую тряпку, вытирает доску, машинально засовывает тряпку себе в карман и идет к своему столу, чтобы поставить Палкину в журнал «четверку».

Шум затихал. Все внимательно наблюдают происходящее, хотя мы и знали, что будет дальше. Но это зрелище никогда не надоедало нам.

Дмитрий Иванович тем временем вновь полностью растворялся в восхитительном мире цифр, но теперь кроме него в нем присутствовали также и мы.

– Чегой-т и-здесь непонятного, – говорил он, быстрыми движениями заполняя рядами символов и цифр доску. – Можно и таким (Хм-м!) способом и-решить...

Тут ему нужно что-то стереть с доски. Не глядя, он шарит рукой по низу доски, не может нащупать тряпку и лезет в карман.

Он достает носовой платок, быстро стирает ненужное с доски, и кладет платок на место тряпки. Быстро заканчивает писать, осматривает написанное, и поворачиваясь к классу, говорит:

– Вот и-таким способом (Кхм-м!).

Он достает из кармана пиджака меловую тряпку вместо носового платка, высмаркивается в нее, и стоит перед нами с густо измазанным мелом лицом, победно улыбаясь.

А мы все – хохочем. Потом хором говорим:

– Дмитрий Иванович, тряпка!

Он с недоумением через стекла висящих на кончике носа очков смотрит на свою руку, видит не платок, а тряпку, смотрит на доску и, естественно, видит свой платок. Забирает и кладет платок в карман, а тряпку – на место, на низ доски.

И говорит нам:

– Ну, и чегой-т вы и-хохочете? Чегой-т тут и (Хм-х) смешного?

Далее следует объяснение нового материала, затем нам дается домашнее задание. Которое никто, кроме немногих энтузиастов, и не думает делать.

Потому что проверка домашнего задания в начале следующего урока математики будет проводиться в следующей форме.

Дмитрий Иванович заходит в класс, мы здороваемся, садимся за парты, и за этим следует первый вопрос,

– Ну, и-кто выполнил и-домашнее задание?

Мы, знакомые с его методами проверки, никогда не поднимаем руки все – перед уроком мы уже договорились, к т о и м е н н о сегодня выполнил домашние уроки.

Поднимается десяток рук. Дмитрий Иванович поверх очков строго осматривает класс.

– И-ты тоже выполнила задание, и-Карасева?

– Да, Дмитрий Иванович!

– И ты тоже, Мивута? И ответ тоже и-сошелся?

Валера Мивута имеет прочную репутацию разгильдяя и матерого троечника. И поэтому на него направлено особое внимание.

– Сошелся, Дмитрий Иванович! Вот!

Миута трясет в воздухе чистой тетрадь и даже порывается, листая ее, найти в ней то, чего нет и никогда не было – аккуратные столбики цифр – выполненное домашнее задание. Чтобы показать Дмитрию Ивановичу.

– Ну, и какой у тебя получился и-ответ (Хм-м)?

– Да вот – 577 целых 37 сотых «Икс», – говорит правильный ответ Миута. Еще бы неправильный – ведь в конце задачника всегда имелись правильные ответы – ну, чтобы ученики, решив задачу или пример, могли свериться и убедиться в том, что они сделали работу правильное.

– И-сядь, Мивута! И у тебя тоже ответ сошелся, и-Монасюк?

– Да, Дмитрий Иванович! – Теперь уже я беру в руки тетрадь и показываю ее.

На этом и заканчивается «проверка облаков» и начинается «раздача слонов».

– Оценки за домашнее задание сегодня получают и-Монасюк – чятыри! Мивута – и-три! Карасева – чятыри! Каминский – и-три!

Таким образом «оцениваются» человек пять-шесть, причем определение количества баллов производится в зависимости от общей репутации ученика (ученицы) – если это «ударник» – четверошник – ставится «чятыри», а если троечник – «и-три» (Хм-м!).

Естественно, выполняя таким образом домашние задания по математике, мы этот предмет не знали. Ну, за исключением, как я говорил, нескольких ребят, которые уже в начале 11-го класса знали, что будут поступать в институты на инженерные специальности, и им предстоит сдавать при поступлении в ВУЗы этот предмет. Это Грабовский Валера, Это Стрелков Коля, наконец, это была Куницына Нелля.

Я выделяю Куницу потому, что... хотя нет, об этом чуть позже.

Может возникнуть вопрос – а как же мы писали контрольные работы в классе?

Да очень просто! Мы все списывали.

Контрольные работы по математике были в двух частях – первая, теоретическая, часть – какая-нибудь теорема (или алгебраическое правило). Вторая – это практическое решение математической задачи (или примера, уравнения, и пр.).

Таким образом, первую часть можно было списать с учебника. А вот вторую часть не спишешь, тут нужно было решать самому.

Но Дмитрий Иванович ведь был чист, как ребенок. Он искренне и убежденно не верил, что его ученики могут списывать. Не верил – и все! От мамы я знал, что ему в учительской коллеги не раз пытались в сдержанной и необидной форме сказать о том, что его обучаемые, мягко говоря, не совсем порядочны, и без стеснения обманывают его.

Дмитрий Иванович отметал все намеки! Он говорил, что хотел бы увидеть ученика, который спишет на его контрольной работе!

И победно обводил взглядом учителей.

Ну, что ему могли сказать? Разве что – да вы посмотрите на первой же контрольной работе, и увидите, причем ни одного ученика, а множество!

Но учителя ему этого уже не говорили, а он – специально не смотрел, потому что во время контрольной работы по математике в классе царила тишина (еще бы! Мы же не идиоты, шуметь и привлекать внимание, коли каждый всю списывал, и делал это осторожно!), слышался только легкий шелест страниц.

Это мы осторожно перелистывали учебник, списывая из него первую теоретическую часть работы. При этом открытый учебник мы клали на сидение парты между собой (за партой сидели по два человека), и время от времени бросая вбок и вниз взгляд, легко списывали то, что нам было нужно...

А вот вторая часть... Тут все обстояло так: пока мы списывали теорию, наши отличники-математики быстро решали на листке и первый, и второй варианты задач. Вслед за тем листки передавались вперед и назад, и, путешествуя из рук в руки, позволяли всем списать правильное решение задачи.

Кто-то подумает – да не может так быть, чтобы на каждом сидении во время контрольной работы лежал открытый учебник, а учитель ходил по классу и не замечал этого!

Представьте себе – может! Во-первых, во время контрольных работ в классе стояла тишина, и ходить по классу учителю, в общем-то, необходимости не было. Все работают, и никто не списывает... А во-вторых – Дмитрий Иванович мог просто смотреть – и не видеть! Ну, он в это время был как бы не с нами...

И никогда не было потом такого, чтобы все 41 человек в классе выполнили работу на «четыре» – пятерок Дмитрий Иванович не ставил принципиально. Он говорил нам так: «Я сам на пятерку математику и-не знаю (Хм-м)», или: «За пятерку я и с пятого этажа прыгну (Хм-м!)»! Поэтому... проверяя наши работы, он всегда находил какие-то недостатки.

Кто-то, списывая второпях, делал описки и ошибки. Кто-то зачеркивал неправильно написанное, а сверху подписывал правильные цифры и буквы. Так что диапазон оценок за любую контрольную работу был широк – от «четверок» до «ядяниц» и двоек...

Ну единицы Дмитрий Иванович ставил редко, а двойки случались. Ну, списал с ошибками человек и теорию, и задачку, вот и вполне законная двойка.

А четверки и тройки раздавались в соответствии с общей успеваемостью учеников, я уже об этом упоминал.

И лишь однажды Дмитрий Иванович поймал-таки «списывальщика»! Но как это происходило и в связи с чем – я расскажу чуть позже.

Что касается устных ответов у доски, так это только такие, как Вова Палкин, могли не ухитриться взять с пола брошенный листок с написанным ответом. А все остальные – списывали на доску с листка правильное решение, получали «три-четыре (Хм-м)» и садились на место с миром.

Невнимательность и рассеянность Дмитрия Ивановича были потрясающими! И частенько вызывали у нас буйный хохот.

Вот два конкретных примера.

Один раз Дмитрий Иванович пришел на урок с полуоторванной пуговицей на пиджаке. Он ходил по классу, а пуговица, словно маятник, раскачивалась их сторону в сторону на уровне ширинки брюк. Все хихикали, а он добродушно говорил нам:

– Ну-к, и чевой-т вы (Хм-м) и-веселитесь? – и продолжал ходить и раскачивать пуговицей, пока я не сказал ему:

– Дмитрий Иванович, у вас на пиджаке пуговица висит!

Он посмотрел вниз, пуговицу оторвал и продолжал расхаживать. «Спасибо» мне он не сказал, но я не обиделся – мы уже знали, что он почти всегда живет в собственном мире. И находится там один, так что и здороваться ему – не с кем.

Второй случай произошел зимой в 1965 году. Дело было так.

В силу времени года и низких температур мы одевали в зимние комплекты – темные пиджаки, свитера. И учителя – тоже.

А Дмитрий Иванович вообще приходил в школу только в черном или темно-сером костюме.

И вот прозвенел звонок, урок был – математика, мы стоим каждый у своей парты, и ждем прихода учителя. Открывается дверь и заходит Дмитрий Иванович.

И на нем модный светлокоричневый пиджак «в искру», а на носу – темные солнцезащитные очки.

А за окном – декабрь месяц!

Естественно, при виде такого зрелища мы «пали в лежку» от хохота.

А Дмитрий Иванович нам и говорит:

– Ну-к, и чегой-т вы и-хохочете? Мишка мои очки куда-то спрятал, его и-в садик увели, и я и-не смог и-найти (Хм-м).

У Дмитрия Ивановича, не смотря на возраст, был сынишка лет пяти от роду по имени Миша.

Вот таким был Дмитрий Иванович. И так проходило обучение нас математике.

Хочется еще отметить учителей физики и истории. Причем, если «физика» мы любили, то «историчку» однозначно и не любили, и боялись.

Учительница истории Нина Ивановна Архангельская была женой 1-го секретаря райкома партии и имела в школе кличку «Орангутанга» (именно «Орангутанга», а не «Орангутанг» – потому что была женщиной). Кличку эту она получила заслуженно, за свою внешность. У нее было лицо со скошенной вперед к низу поверхностью, маленькие голубые глазки сидели глубоко, а сверху над ними нависали массивные надбровные дуги.

И она была идейно и политически выдержанной донельзя, то есть – ортодоксальнее любого ортодокса.

Вот пример. Осень 1964 года, на октябрьском пленуме ЦК КПСС снят с должности и отправлен на пенсию Никита Сергеевич Хрущев. Главой партии и государства на долгие семнадцать лет становится Леонид Ильич Брежнев. На уроке истории я, отвечая у доски по теме «XX съезд Коммунистической партии Советского Союза» рассказываю, как Хрущев развенчал культ личности Сталина, как выступил с докладом XX съезду партии «О культе личности Сталина», как, тем не менее, не до конца были вскрыты перегибы во времена руководства страной Иосифом Виссарионовичем, и связано это с тем, что Никита Сергеевич сам был в то время...

И тут «Орангутанга» перебивает меня и гневно говорит:

– Ты чего, Монасюк, развенчиваешь один культ, и тут же возводишь другой! Хрущева осудили на пленуме, в частности – за волюнтаризм! Садись, тройка!

Я всегда был отличником по истории, и вот, в 11 классе, я рисковал получить за год по истории «четыре». Если и страдал кто субъективизмом и волюнтаризмом – так это наша «историчка», и если кто-то попадал к ней в немилость... Это был конец!

Потому что если Дмитрий Иванович Любавин был невнимателен и добр к нам, то Нина Ивановна Архангельская была обостренно внимательной и исключительно злопамятной. Мы ее называли между собой просто-напросто «злой».

Садясь на место, за парту, где я сидел в одиночестве единственный в классе (особая привилегия, положенная мне как старосте класса и авторитетному для других ученику), я думал: «Вот и накрылась серебряная медаль! Даже если бы я планировал ее получить,...»

«Орангутангу» мы не любили. Она была не только недоброй, она была столь категоричной, что отвечать учебный материал на ее уроках была очень сложно – обязательно придется к чему-нибудь! Так что мы ее, как я уже говорил, не любили.

А вот наш «физик» Александр Петрович Брович был и добрым, и требовательным, и справедливым к нам. Аккуратно одетый, всегда гладко выбритый и аккуратно подстриженный, он пользовался у нас и авторитетом, и уважением.

Видите ли, он видел в нас уже взрослых людей. И он никогда не ябедничал.

В сентябре, пока было еще тепло, на «большой перемене» мы бегали курить в парк на танцплощадку.

Ее еще не закрывали на зиму, мы проходили через нее на прикрытую козырьком возвышенность эстрады и там стояли. Одни курили, другие просто стояли и болтали.

И вот один раз, когда мы вот так «перекуривали», мимо площадки проходил Александр Петрович, увидел нас и, укоризненно покачав головой, пошел дальше. Мы, конечно, тут же бросили окурки, затоптали их и пошли на урок, ожидая последствий. А их не было! «Физик» не только никому ничего не сказал, он и нам никогда ничем не дал понять, что помнит об этом случае!

Сейчас я думаю, что он любил нас. Мы ведь и на уроках физики в 11 классе не могли, чтобы как-то не выпендриться.

Припоминается такой случай.

В те времена столовых в школах не было. Был буфет, в нем можно было купить стакан сладкого чая или компота и сдобу.

Да и не было нужды в школьных столовых! Тогда был жесткий порядок проведения занятий – проводить ни в коем случае не больше шести уроков в день! И все мы были дома уже к двум часам и обедали дома. И денег с собой у нас, естественно никаких не было – ну, какие-то копейки, которые могли завалиться в карманах.

Но... Но однажды часов в одиннадцать мы все дружно захотели перекусить. И вот, собрав копейки, на большой перемене мы командировали в «дежурку» (дежурный магазин на площади напротив памятника Ленину) группу, которая должна была купить и принести в класс буханку черного хлеба.

Звонок прозвенел, мы только-только расселись в кабинете физике за столами (в кабинетах химии и физики стояли не парты, а учебные столы – ну, вроде тех, что сейчас в нынешних школах), и в кабинет ввалилась наша делегация с покрасневшими лицами.

Александр Петрович разрешил опоздавшим сесть на места, не обратив внимания, что под полкой сидел у одного из них что-то было.

За последним столом всегда сидели Заславский и Петров. И Заславский прошептал в никуда – вперед, классу:

– На скольких делить?

Ему кто-то ответил:

– На всех, на сорок одного!

Ножей у нас не было, но у кого-то нашлась в портфеле катушка с черными суровыми нитками. Ее передали Заславскому, он сделал из нее прочную режущую струну и принялся аккуратно резать ниткой булку хлеба, разделяя ее на равные 41 части.

Класс ждал. Урок шел своим чередом, стояла тишина, но никто не слушал объяснения Александра Петровича. Все ждали хлеба. За которым, безусловно, должно было последовать и зрелище...

Вскоре кусочки споро передавались из рук в руки от заднего стола вперед, по классу. И скоро все 41 человек, прикрывая ладошками рот, медленно и по возможности незаметно жевали хлеб. Он умопомрачительно пах, был свежим и вкусным.

Александр Петрович, повернувшись от доски, на которой он писал, не мог не увидеть, что все ученики сидят, прикрывая рот, и что-то жуют.

– Вы чего жуετε? – спросил он.

– Хлеб! – хором ответили мы.

Наш «физик», улыбаясь посмотрел на нас – внешне вполне взрослых молодых людей, но на самом деле – еще детей.

– Ну, дожевывайте – сказал он, сел за свой стол, поставил подбородок на ладони упертых в столешницу локтей рук и стал смотреть на нас, улыбаясь и думая о чем-то своем.

Наверное, он вспоминал себя в нашем возрасте, и поэтому улыбка его была немножко печальной. Ведь мы были так молоды, а он, он уже не мог стать таким, как мы. Молодым, озорным и глупым.

А мы быстро доели хлеб, и урок пошел своим чередом.

Таковыми вот были наши учителя. И вот теперь я думаю, что отношения учителей и нас, учеников в те далекие времена были другими. Они были лучше, чем сейчас!

Да, к нам относились строго, нас целенаправленно воспитывали, но к нам относились у в а ж и т е л ь н о.

Да ведь и мы относились к учителям также. А как же иначе? Я вот попытался вспомнить – и не припомнил ни одного случая, что бы кто-то назвал нас дебилом, идиотом или даже просто дураком. Да даже слово «глупый» старались не употреблять – в самом крайнем случае кому-то могли сказать, что «до тебя доходит с трудом». Могли назвать невнимательным, несобранным. Но по-настоящему грубые и оскорбительного значения слова в лексиконе наших учителей отсутствовали. Я подчеркиваю – н а ш и х учителей. В нашей школе. А о других школах я не говорю. Может быть, где-то факты грубости и были.

И как я уже говорил – мы относились к учителям тоже с уважением. То есть и дисциплина, и уважительность были двухсторонними, взаимными.

Никак по другому я их охарактеризовать не могу. Если рассматривать в общем.

Ну, а «финты» мы, ученики, конечно, выкидывали. Мы ведь были, как уже я говорил, лишь физически, внешне взрослыми. А ум-то у нас был пока еще скорее детский, чем взрослый...

Глава 3-я. Наши родители

Конечно, хотя в 1965 году мы были уже как бы взрослые, на самом деле мы оставались всего лишь детьми. Детьми своих родителей.

А родители наши были очень различными.

Начну с родителей Валерки Миуты. Так как он был самым близким моим другом.

Фамилия у него такая странная потому, что когда он родился, его родители жили в Корее. Я вот до сих пор ломаю голову – какое отношение имеет место жительства к фамилии – ведь Валерка русский. И я неоднократно задавал ему этот вопрос. А он говорил мне в ответ, что все дело не в том, кто родители, а в делопроизводителе войсковой части, офицером которой был его отец, Василий Иванович. Его фамилия – Миут, а когда родился Валерка – кореец-делопроизводитель записал новорожденного на свой лад – Миута.

Буквально через несколько дней часть быстро погрузили на грузовики и горными дорогами сначала до КВЖД (железная дорога на Дальнем Востоке), а потом этой железной дорогой вывезли в Союз. И уже здесь Василий Иванович и Мария Константиновна обнаружили, что у них, Миутов (то есть имеющих каждый фамилию Миут) сын – не Миут, а Миута.

Ну, и не стали ничего переделывать. Кстати, кличка у Валерки как раз Миут – сокращение от Миуты.

Так вот, отец у Валерки был экономистом по образованию и в тот описываемый мною далекий 1965 год был директором Пищепрома – перерабатывающего предприятия, на котором изготавливались лимонад, мороженое и – плодово-ягодные вина.

Мы, например, всегда во время наших вечеринок пили только местные вина. Особенно любили крепленое вино «Черноплодная рябина». Оно было густым, терпким, и стоило всего 1 рубль 20 копеек за бутылку.

Ну, а руководил Пищепромом как раз Василий Иванович – Валеркин отец.

Его мама, Мария Константиновна, была сначала секретарем райкома партии по идеологии, потом – редактором районной газеты «Богоявленская правда».

Интересное у них было правило в семье. Мария Константиновна вставала всегда в шесть часов утра.

Она готовила на весь день: завтрак, обед, ужин. И затем шла к 9 часам на работу и приезжала с работы часов в 9—10 вечера.

И вот если ей говорили, что она слишком поздно приходит с работы, что ее сутками никто не видит, она отвечала:

– Я вам еду приготовила на день? Вот и останьте от меня!

В принципе, так работали все руководители в то время.

Родители еще одного моего приятеля, Чернявского Вовки, тоже были из интеллигентов.

Отец его был начальником районного военного комиссариата (военкомом), а мама – учительница. И вот мама Вовки была народным учителем СССР. Она одна в районе имела такое звание. Как учительницу я ее не знал – она работала в начальной школе.

А вот отец Вовки был фронтовиком, причем не просто фронтовиком, а боевым командиром, и имел орден «Александра Невского». Ну, кроме других орденов – Красной Звезды, «Отечественной войны». Орден был красивым, и когда мы приходили к Вовке то, если не было дома его родителей, мы обязательно просили его показать нам орден. Вовка доставал из шкафа парадную форму отца, и мы любовались и осторожно трогали ордена.

И Вовку, и Валерку, родители чрезмерно не опекали. Правда, Валерка учился на тройки, Вовка – получше. Ну, а я – учился хорошо, почти на одни пятерки. Хотя, конечно, мог схватить и тройку, а то и – «пару», как мы называли двойки.

Что касается меня... Ну, лучше бы меня опекали.

Мои родители были, как я уже упоминал, тоже интеллигентами. Мама – учительница, а папа – народным судьей районного народного суда.

В то время в каждом районе были все по-одному: один прокурор, один адвокат, один судья. Ну, и все они были кто – членами бюро райкома КПСС, кто – членом райисполкома.

Как, кстати, и военком Чернявский и редактор газеты Миут.

Так что во время посевной компании, а также во время уборки урожая наши родители разъезжались в командировки по Боговещенскому району. Каждому члену бюро райкома партии и члену райисполкома определялось одно какое-то хозяйство, и наши родители несли ответственность наравне с председателем колхоза или директором совхоза за проведение весенней и осенней сельхозкомпании.

Такое вот было время. Ну, а мы, ребяташки, росли на воле, и нас без особой нужды не контролировали.

Итак, мой отец судил, а мама – учила в школе ребяташек. Правда, наш класс она никогда не учила.

Ну, а что касается внутрисемейных отношений... Мои родители очень любили друг друга. Любили нежно, трепетно, были внимательны друг к другу. И учитывая их загруженность работой, на меня уже особого внимания не обращали.

Я не чувствовал тепла по отношению к себе в семье.

Вот я помню лишь два факта, который относится к описываемому времени. Я имею в виду факты, касающиеся меня.

Где-то в сентябре 1965 года мама решила меня подкачать физической силой, и выписала мне книжку по самбо.

Излишне говорить, что самбо невозможно изучать самостоятельно. Нужен либо тренер, либо, на худой конец, спортсмен-самбист.

Ни того, ни другого рядом со мной не было. И книжку забрал себе Валерка Миут, который был разносторонне развитым спортсменом и по крайней мере, мог прочитать ее.

Второй факт – вскоре после книжки мама выписала мне боксерские перчатки. Но одни перчатки ничего не давали – нужно две пары, тогда можно пытаться как-то изучать бокс.

В итоге и перчатки оказались ненужными.

Такие неожиданные и какие-то неуклюжие порывы любви только укрепили меня во мнении – не нужно таким людям, как мои родители, которые так любят друг друга, иметь детей. Им просто ни до кого нет дела. Они слишком заняты друг другом.

Нет, отдыхать каждое лето на Юг мы ездили. У нас были родственники в городе Феодосии в Крыму, прямо на берегу моря, и мы были, в принципе, желанными гостями. Но...

Но эти поездки в первую очередь были нужны им, а не мне.

Весь год они копили деньги, и когда ехали летом на юг, на обратном пути останавливались в Москве, где у отца был родной брат. Там они покупали все для себя – зимние и осенние пальто, различную обувь.

Тогда в московских магазинах можно было купить все.

А что касается меня... И в 10, и в 11 классе я ходил с протертыми на ягодичках брюками, которые сам же тщательно и штопал.

А на мои просьбы мне говорили, что вот в Москве купим, позже – летом!

Но купленный в Москве костюм я протирал через полгода, и уже весной вновь ходил с подштопанной попой.

Вообще-то тогда никто не шикавал. И на мои штаны мои одноклассники внимания не обращали, но...

Но почему первые в школе войлочные ботинки появились именно у Вовки Чернявского? А одна из первых «москвичек» (зимнее полупальто с двумя парами наружных карманов – горизонтального разреза с клапанами внизу, и нагрудными косыми, чтобы ходить, держа в карманах на груди руки) появилась у Миуты? А мне купили «москвичку» одному из последних в классе?

Такие вот детальки заставляли меня обижаться на родителей...

Нет, физически меня не наказывали, что называется – не били. Помню, классе в восьмом моя мама однажды вдруг решила меня выпороть ремнем. Я не помню, за что именно, но обращающая внимание лишь изредка на сына, она как-то не заметила, что у меня пробиваются усики, и ростом я с нее саму...

Я не сопротивлялся, упал на живот на диван и закрыв лицо руками, хохотал. А она стегала меня, приговаривая:

– Вот тебе, вот тебе, вот тебе!!!

Но в какой-то момент вдруг заметила, что я не плачу, а хохочу. И, бросив ремень, села на диван рядом и заплакала сама. И больше меня уже никогда не «лупили».

Невнимание проявлялось и в том, что моих родителей не интересовало, куда я пойду учиться после школы, чем хочу заняться... Нет, как-то вяло отец предложил мне помочь с поступлением в институт в Свердловске, но я не вдохновился. А мамино предложение пойти в ее стопам в пединститут я отверг горячо и с негодованием.

– Сами найдем, куда идти учиться! – сказал я. – Не маленькие!

Примерно так же было у других ребят.

Правда, однажды родители вмешались все сразу – Чернявские, Миуты, Монасюки... И еще несколько родительских пар. Это случилось, когда мы перед Новым годом объявили о намерении поступать после школы в Новосибирский университет на геолого-минералогический факультет.

Но об этом – чуть позже.

Ну, а чтобы завершить рассказ о родителях, скажу в заключение, что после того, как Рукавишников подсел ко мне в парке на скамейку, я спросил вечером отца, знает ли он Рукавишниковых из «Заготзерна».

Отец ответил, что да, они с Петром Петровичем вместе бывают на заседаниях исполкома. И маму, Людмилу Олеговну, знает – она главный бухгалтер Боговещенского элеватора.

– Хорошие люди, – сказал коротко мой папа. – Добрые, умные, чувствуются – в семье у них лад. А ты что, с дочкой их учишься?

– Да нет, – ответил я. – Она ведь в «А» классе, а я в «В»!

– Хорошая семья, – добавил отец. – Причем сам Рукавишников почти не пьет.

В то время это было важное дополнение. Тогда все начальство пило, и пило – основательно и качественно. Время было такое – Брежнев ведь приоткрыл шлюзы, ослабил узду всеобщего контроля. Вот начальники и «поддавали».

По крайней мере мой папа приходил с работы пьяный как минимум – раз в неделю.

Но скандалов дома у нас не было, родители меня не «давили», ну, и я к ним относился соответственно.

И с друзьями они мне общаться не мешали. Так что я их, по большому счету – любил!

А про родителей Рукавишниковой я спросил, потому что вдруг вспомнил, как она сидела возле меня, в парке на скамейке. И была какой-то другой, не похожей на себя. И мне просто захотелось понять, какая же она на самом деле, Рукавишникова?

Глава 4-я. Друзья

Я уже говорил, что мой ближайший друг – Валера Миута. И говорил также, что так не понял до конца, каким это образом делопроизводитель воинской части в Корее переделал его фамилию.

Но вообще-то – какая разница? Главное – он был моим верным другом, а я – его.

Валера – прежде всего спортсмен. К концу 1965 года у него было уже семь или восемь спортивных разрядов – в основном третьих взрослых или первых юношеских: футбол, волейбол, баскетбол, лыжи, коньки, легкая атлетика. И даже шахматы. Он постоянно после занятий в школе пропадает в спортзале или на нашем школьном стадионе. Так что физическое развитие у него – на высоте и он его совершенствует постоянно.

А вот остальные предметы... Не любит Валерка учиться. Он парень умный, ведь читаем мы с ним вместе, одни и те же книги. А вот направления совершенствования развития у нас с ним диаметрально противоположные. У него – физическое развитие. А у меня – умственное.

Объясню, что я имею в виду.

Сначала – о физкультуре. Так уж получилось, что там, где я родился и вырос (а дело было в субтропиках, на теплом «самом синем море»), лыж и коньков не было, так как не было снега. И вот приехав в Сибирь сразу в пятый класс, я оказался в положении дурачком – мои одноклассники и на уроках физкультуры, и в свободное время не слезают с лыж и коньков, а я не то, что бегать на них – стоять не могу!

Смеялись надо мной зло, тем более, что детей начальников ведь нигде и никогда не любят...

Пару лет я терпел, по физкультуре имел тройки, а потом в новом для меня холодном климате я начал постоянно болеть. Поставили мне диагноз – хронический бронхит.

И я решил самоутвердиться, воспользовавшись этим.

Я симулировал по вечерам сильный кашель, который мешал мне спать, выматывал меня, так что я лежал до утра без сна, в поту. Родители жалели меня и в школу не отправляли. И как-то так получилось, что я пропустил одну четверть, вторую...

Тогда надомного обучения в школах не было, так что я уроки делал дома, задания мне приносил Валерка, да и другие одноклассники помогали. Для проверки я передавал выполненные задания с ними же в школу. А сам тем временем старался добиться высот в том направлении, где мне под силу было стать первым.

Я, конечно, не лежал в постели. Днем я выходил иногда, ходил в библиотеку, и скоро стал самым основным читателем таких изданий, как журналы «Вокруг света» и «Наука и жизнь», научно-популярных книг серии «Эврика!» и тому подобного. И скоро я уже знал много такого, чего мои сверстники не знали, да и не могли знать – у них просто не было столько времени на чтение.

А тем временем фактор моей неполноценности как бы сошел «на нет». Я пропускал занятия четвертями, а выходя после этого в школу, был «на уровне» по всеми предметам, а поскольку изучал их самостоятельно, дома, то меня хвалили. Кроме – физкультуры, и поэтому мне стали ставить «четыре» и по «физ-ре». По итогам одной четверти, потом второй... И постепенно это вошло в правило – оценивать меня по физкультуре как бы условно, в соответствии среднему уровню успеваемости. А он был «4» и «5».

«Болеть» я перестал лишь в 9-м классе, предметы стали сложными, дома их не освоишь, да и записался я в группу шоферов. С 9-го класса у нас началась профессиональная подготовка.

А с преподавателями физкультуры у меня сложились прекрасные отношения. Вот уже второй год я хожу на уроки, но не переодеваюсь, а только снимаю пиджак и обувь и помогаю преподавателю Филиппу Степанычу (или по-простому – «Филе»). Я со свистком во рту сужу на уроках все соревнования – волейбол, баскетбол. Готовлю «Филе» таблицы, в которые потом вписываются спортивные результаты соклассников, и делаю другую вспомогательную работу. Так что каждое полугодие свою «четверку» как бы отрабатываю.

А что касается интеллектуального развития – я добился своего. Я не умнее моих одноклассников, просто знаю больше, причем в той сфере познания, которая всегда определяется учеными как области непознанного либо непознаваемого. Ребята называют такие вещи «интересненьким».

Возвращаюсь к Миуте. Вот такой мы были парой – если нужно показать что-то связанное с физической силой (или вообще с физическим развитием), первым был Валера.

Если нужно было «блеснуть интеллектом» – на передний план выдвигался я.

Две противоположности. Дополняющие друг друга. Тандем!

К сожалению, была еще одна сфера, где Валерка Миута превосходил меня неоднозначно. Это – отношения с девочками.

Я был закомплексован и с девчонками робел. Валерка – легко входил в контакт с ними, причем часто этот контакт становился очень тесным. И близким.

Об этом я расскажу чуть позже, а пока мне хочется рассказать о Гемаюне, Бульдозере, Валюхе и Галке.

Брат и сестра Гемаюнские живут на нашей же улице Кучеровых, но через один дом от меня. Саня (кличка Гемаюн) моложе нас с Валеркой на два года, а его сестра Валя – на три. У Вали есть одноклассница и подружка – Галка, она живет на соседней улице. Рядом с ней живет одноклассник Сашки по кличке Бульдозер. Получил свою кличку Борька Санаев за то, что еще в пятом классе залез в стоящий на школьном дворе бульдозер (что-то там копали и сгребали дорожники) и сумел его завести.

Среди учеников были проведены розыскные мероприятия, Санаева нашли, вину его доказали, но наказывать не стали, потому что бульдозерист уверял всех, что трактор сломан.

Я стоял в толпе и лично слышал, как здоровенный усатый дядька удивлялся и говорил:

– Это ж не может того быть... Мотор же вроде заклинило, я вчера так и не смог его завести... Как же этот малец его завел-то?

«Малец» ничего объяснить не мог. Но обзавелся с тех пор (и думаю, до конца жизни) прозвищем Бульдозер.

Чтобы, характеризуя и иные его достоинства, не возвращаться пока к Борьке, скажу, что к числу его несомненных талантов относятся умение шевелить ушами, сводить глаза к носу, как если бы он был слепым, и виртуозная игра на гитаре. Думаю, он весь свой талант после происшествия с тяжелой техникой обратил в сторону глубокого проникновения в мир звуков посредством овладения гитарой. И когда он со своим дружкой, по кличке Моцарт, заканчивающим в этом году музыкальную школу по классу баяна, иногда играют музыкальные композиции дуэтом, мы буквально застываем – играют они просто здорово!

Санька – руководитель банды, как мы называем малолетних своих почитателей – самый физически развитый. Ну, это понятно – иначе он не был бы руководителем. А вот девчонки – тут нужно рассказать подробно.

Как-то так получилось, что росли мы все вместе. Мы подружились с Миутой, когда наши родители получили дома рядом на улице Кучеровых, и было это пять лет назад. Тогда нам было по тринадцать лет. Гемаюну и Бульдозеру – по десять лет, и они сразу стали крутиться возле нас и смотреть нам в рот. А вот девчонки оказались с нами как-то незаметно, просто начали играть с нами – и все. Мы играли тогда летом – в лапту, «штандер» (игра с подбрасываемым вверх мячом), зимой – в войну и прятки.

Постепенно наш диапазон игр расширился. После кинофильма «Три мушкетера» мы сражались на шпагах, а после «Великолепной семерки» – метали ножи и стреляли из револьверов.

Но это уже недавно, года два назад. Мы с Валеркой научились выпиливать из досок револьверы, по форме, «как настоящие», причем сбоку прибавляли округлые щеки, имитирующие барабан револьвера. Получалось очень похоже на «взаправдишний», а мы еще и красили их в черный цвет.

Апогеем увлечения револьверами можно считать следующее событие.

Прямо рядом с нашей улицей, на задворках улицы Гаражной было большое пустое пространство. Его использовали как поле для посадки картофеля. С одной стороны этого поля длиной метров 60 велась стройка новой котельной, и это было излюбленное место наших игр. Строители возвели стены, положили крышу и на этом стройку «заморозили». А внутри остались нетронутыми деревянные «леса», и вот по ним-то мы и скакали, как Тарзаны. Здание котельной было высоким, метров десять, и как никто из нас ни разу не свалился – не понимаю. И ведь вместе с ребятами скакал и я с Миутой, два здоровых дурака.

А с револьверами было так.

На другой стороне картофельного поля был какой-то сарай. Я и сейчас не знаю, что в нем находится – но его сторожил хромоногий старик. И вот когда нам надоело воевать друг с другом, пуляя понарошке из револьверов («пх», «пх» или «тух!» «тух!» – примерно так звучали выстрелы), мы с Валеркой решили атаковать этот сарай.

Как раз в то время в аптеке продавались дымовые шашки для травли мух. Мы купили несколько штук и собрались их опробовать. Именно во время атаки.

И вот такая картина маслом: мы с Миутом сидим возле стены котельной, с нами рядом Валюха и Галка, а в сторону сарая двигаются цепочкой Гемаюн, Бульдозер, и с ними еще человек пять их приятелей – они приходили в нашу компанию частенько, нравилось им играть с нами.

Все – с револьверами в руках, слышны команды Гемаюна: «Организованней, ребята!» и «Не разбредаться, цепочкой идем, цепочкой!»

То есть все на полном серьезе.

Мы с Валеркой покуриваем сигареты – понарошку, не-в-затяг, для солидности. Девчонки с восхищением смотрят на нас и на наших «бойцов», которые почти достигли вражьего логова – сарая на противоположном конце поля.

И тут раздается рев, откуда-то выбегает, ковыляя и опираясь на клюку, старик-сторож, и наши с Миутой воины бросаются в позорное бегство. Мы вскакиваем, кричим: «А ну, назад» и «Отступать организованно! Отстреливайтесь, вашу мать!», и порядок восстановлен: вновь на поле реденькая цепочка, наши богатыри теперь отходят медленно, пригибаясь, лицом к врагу, при этом отстреливаются из револьверов. Теперь с поля слышно только «пх!», «пх!» и «тух!», «тух!», а также сочный мат сторожа, который никак не может приблизиться к быстроногому противнику, и это его сильно раздражает, потому что мальчишки не убегают, а повинуюсь командам, которые громко отдаю я: «Организованней отступаем! Отстреливайтесь, отстреливайтесь!», отстреливаются, целясь в него из «наганов».

Валерка тем временем деловито раскладывает рядом с собой отравляющие шашки из аптеки. Девчонки хохочут. С поля раздается «Тух! Тух» и «Е... вашу мать! Убью!», и снова «Пх! Тух!»

Мальчишки отступают, не ломая строя, и отстреливаясь! Сторож матерится и от бесилия кидается в них комками земли. Девчонки уже просто визжат от хохота, а мы с Валеркой начинаем деловито поджигать кончиками сигарет запальники шашек и, выбегая на поле, бросать их прямо на пространство, разделяющее «наших» и «врага». Вверх через пару секунд вздымаются клубы серого вонючего дыма, и тут уж мальчишки, закрывая носы

руками, бегут к нам, мы все вместе укрываемся от дыма в котельной, а что стало со сторожем – нам до сих пор неизвестно. Уковылял назад к себе, наверное...

А если бы и пробрался сквозь дымзавесу – он обнаружил бы нас внутри стройки сидящих на верхотуре на «лесах». Ну, и что бы он мог сделать?

Наши предосудительные развлечения не ограничивались подобными войсковыми операциями. Например, прошлым летом мы решили обследовать некое строение, которое располагалось прямо за нашими усадьбами, то есть – уже непосредственно на нашей улице. В сарае мы обнаружили полуразобранный грузовой автомобиль Газ-66, и мы с Валерой, как будущие шофера-профессионалы, деловито осмотрели его, залезли под капот, и при этом обменивались профессиональными терминами, вроде: «Смотри, карбюратор новый почти!», «А маслопроводы уже отвинтили, заразы!», «И провода все отодраны! «А прерыватель, смотри, на месте!», Ну, и далее в том же духе.

Наши сателлиты стояли вокруг и открыв рты, восхищенно слушали эти реплики. А мы с Валеркой чувствовали, как наш авторитет в их глазах растет, как дрожжевое тесто, то есть – буквально на глазах.

Несколько дней мы играли на крыше этого и соседних брошенных сараев, но однажды днем все закончилось.

Здесь нужно описать диспозицию.

Несколько наших домов были между собой соединены калитками. Дело в том, что питьевая вода тогда была только в колонках на углу каждого пересечения улиц, в домах водопроводов не было.

Но вот в огороде углового дома Гемаюнских, на пересечении Кучеровых и Гаражной, был вырыт колодец, в котором была очень вкусная вода. Вот чтобы вся улица могла ходить к колодцу за водой, и были сделаны калитки в загородках, отделяющих усадьбы друг от друга.

В проемах всех калиток внизу были прибиты доски в виде порога. Это – чтобы летом цыплята не шлялись к соседям и не «травили» посадки.

А вот теперь такая картина. Утро, солнце, тишина. На крыше сарая с грузовиком носятся наши малолетние друзья, мы с Валеркой что-то обсуждаем, рядом, как обычно – Валюха и Галка. И тут вдруг благостный покой разрывает полный тревоги крик «Атас!», и начинаются молниеносные движения: лихо, опираясь лишь одной рукой на высокий (не менее метра в высоту) штакетник, один за другим мальчишки перебросив тело, «махают» через ограду и ногами открывая калитки, несутся через усадьбы вперед, к улице Гаражной.

А за ними бежит здоровенный дядька.

И вот когда он, минуя нас, заносит одну ногу через доску, прибитую внизу калитки, Валерка деловито встает, делает несколько шагов к калитке и ногой отправляет створку ворот вперед. Та ударяет по второй ноге преследователя именно в тот момент, когда он одной ногой уже за калиткой, а вторая... Вот вторая из-за ловкого удара Миуты блокируется между доской и воротинной, и в результате мужик падает. А когда, матерясь, он встает на ноги, впереди никого нет – все уже успели убежать, а сзади он видит сидящих на крыльце дома двух пареньков, болтающих с двумя малолетними девочками...

Потом мы выяснили, что когда наши друзья лазали по крышам, они вдруг увидели, что кто-то с мешком в руке зашел в сарай. Они по крыше подкрались, заглянули сверху в дыру и увидели, как какой-то мужчина принялся отворачивать от грузовика детали и совать их в мешок. Гемаюн решил пошутить, сказал громко: «Нехорошо воровать, дяденька!», и получил свое – мужик выскочил наружу, мальчишки градом ссыпались с крыши, и дядек бросились их ловить.

Продолжение вы знаете.

Способности Бульдозера мы также использовали.

В соседнем со мной доме жил второй секретарь райкома партии с семьей, и у него была мать-старушка. Была она злой, и когда мы стайкой шли напрямую через три усадьбы к колодцу, она, услышав скрип открываемой калитки, тут же выходила на крыльцо и начинала нас ругать.

И так каждый божий день. Нам с Валеркой это надоело, и мы решили старушку проучить. И вот когда в очередной раз скрипнула калитка и тем самым подала сигнал старухе о необходимости выйти на крыльцо, бабуле предстало следующее зрелище.

По двору медленно шел мальчик со скошенными к носу глазами. Он вытянул вперед руки, как бы пытаясь нащупать что-то перед собой, уши у него шевелились, словно локаторы, которые заменяли ему зрение.

Вообще-то зрелище было жутковатое.

Старушка не могла не пожалеть «инвалида».

– Ах ты, бедненький мой, откуда же ты взялся!.. – запричитала она. – Сейчас я, подожди.

Она шустро вынесла из дома большую тарелку со свежее испеченными пирожками и поставила на крыльцо со словами:

– Съешь пирожочек, мальчик! А я сейчас тебе компотика принесу...

Непонятно, почему она сказала о пирожках в единственном числе, потому что когда она через минуту вышла на крыльцо, тарелка была пуста, «убогий» исчез, а метрах в двадцати, на территории соседней усадьбы у колодца весело гомонила наша компания.

Мы ели пирожки, которые были такими вкусными! Как все, что удастся стащить...

– Ах вы, нехристи! – Старушка грозила нам рукой. – Вот погодите!

Мы действительно все были нехристи, тогда ведь почти никого не крестили в детстве. И вели себя соответственно.

А вообще мы ежедневно все лето купались на озере в центре Боговещенки, а когда стали взрослеть – компания стала распадаться – мы с Валеркой каждый вечер ходили на Бродвей, на танцы, а наших верных вассалов на танцплощадку пока не впускали – танцы считались молодежным мероприятием, и на них пускали лишь с 16 лет.

Так что мы отдыхали по-взрослому, а наши друзья... ну, они обычно торчали за оградой танцплощадки и смотрели сквозь реденькое ограждение на нас.

И вот этим летом, по-моему, наши девочки стали нас ревновать.

Тут самое время поговорить о «женской» части нашей дружеской компании.

Валюха и Галчонок были для нас своими, мы ведь вместе росли, вместе играли, и мы с Валерой долгие годы не замечали отношения девочек к нам.

С моей легкой руки мы называли их амазонками. А они меня с Валерой, малолетние глупышками, называли «амазонами». А мы ухмылялись – и не поправляли их.

Вот сейчас я понимаю – наши девочки были ведь влюблены в нас. Знаете, как могут любить девчонки-ученицы своего молодого учителя. Они смотрят ему в рот, ловят каждое слово, стараются быть все время рядом с ним и стараются услужить во всем.

Вот для Валюши и Галочки мы и были такими учителями. Они верили нам во всем, они старались быть рядом. Они так любили нас! И вот прошедшим летом мы это почувствовали. Каждый раз, когда мы, раздевшись, шли вечером на Бродвей, они возникали как бы ниоткуда, и шагая рядом с нами, говорили:

– На танцы пойдете?

– Да! – отвечали мы.

– С Ленкой и Машкой танцевать будете?

Мы с Валерой переглядывались.

– Ну, может быть и будем... – говорили мы.

– Жених и невеста! – они отбегали и показывали нам языки.

– Брысь! – говорили мы, и с достоинством, как подобает взрослым уже мужчинам, шли дальше.

А недавно я вдруг рассмотрел их и понял, что наши девочки становятся взрослыми. Валуша была чуть ниже, Галка – повыше. Валя была смуглой и черноволосой, а Галя – светленькой.

И я увидел, что у обеих тоненькие и почти взрослые фигурки. И сразу бросились в глаза красивые ноги, маленькие пока грудки, тонкие изящные руки.

Я понял, что наши подружки выросли.

Этим же вечером, когда мы возвращались с Валеркой с танцев, я сказал ему об этом. Он оглянулся – вся наша компания, вся четверка (Гемаюн, Бульдозер и девочки) шли сзади. Они весело болтали, были беззаботны и очень счастливы – их «повелители» шли впереди и не подцепили девчонок. А значит – принадлежали им, как они сами принадлежали нам.

Они были на вид почти как мы. Почти взрослыми...

И что-то вдруг сжалось у меня внутри. Я впервые осознал, как быстротечно время. И почему-то мне стало жалко их, себя. Ведь с каждой минутой все дальше позади оставалось все детское и чистое. А впереди ожидала жизнь, полная неизвестностей.

Но говоря о друзьях, хочется рассказать также и о Нелли с Надей.

Нелля Куницына и Надя Лишайникова – наши с Валеркой одноклассницы. И наши друзья.

Первой из них двоих в нашем классе появилась Нелля. Это было в сентябре 1963 года.

Она была не то, чтобы красивой – черноглазой, с кудрявыми волосами и точеными ножками. Я ее сразу назвал миниатюрной.

Как известно, все новое – привлекает. И Нелля сразу привлекла внимание не только нашего тандема, но и кое-кого еще. Однако всех иных моментально отсекал Миута. Он подошел, закрыл Неллю спиной, и сказал двум жаждущим знакомства с «новенькой»: «А что это такое? А кто это сюда лезет? А кто это хочет получить по роже? А?»

Страждущие познания «новенькой» улетучились, а Миут повернулся и собрался было представиться, но Нелля фыркнула и, дернув носом и задрав подбородок, прошагала мимо нас в школьную дверь. Кстати, вздернутый нос был единственным ее недостатком.

Мы переглянулись и тоже пошли в класс. Это было 1 сентября.

А через пару минут после начала классного часа завуч привела к нам в класс Куницыну и представив ее, сказала, что Нелля приехала к нам в связи с переводом ее папы – адвоката Куницына, в Боговещенский район. И теперь будет учиться в нашем классе.

Миута шепнул мне: «Наша будет, Толя!»

Кто бы сомневался...

Нужно сказать, что осаду мы вели вдумчиво, расчетливо, отрезая поползновения одноклассников втянуть Нельку в свою компанию. И уже с первым снегом мы частенько вышагивали втроем по улицам, болтая обо всем.

Такая вот дружная троица...

Но где-то после после прошлого Нового года нам пришлось что-то в отношениях с Нелькой решать – мы так и ходили втроем, и домой после кино провожала ее мы вместе с Миуткой. Но нам было уже по семнадцать, и пора было переходить от стадии простой дружбы к следующей стадии – начинать «дружить». Это означало – ухаживать, целоваться, ну, и возможно – все прочее.

Что закономерно следует за поцелуями.

Да, об этом следует рассказать подробно, и я это сделаю, но – чуть позже.

И, наконец, Надюха Лишайникова.

Она приехала к нам прошлой зимой. Дело было так.

Первым уроком в тот день у нас была история. И вот вместе с Орангутангой в класс заходит завуч и рядом – высокая, в школьной форме девчонка (я не говорил, что чаще всего мы вплоть до окончания школы носили школьную форму?). Ну, девчонка и девчонка – так себе – обыкновенная... Вот только на голове взбитая высокая прическа. Из светлых волос. Прямо как у Рукавишниковой...

Завуч говорит:

– Знакомьтесь, это Надя Лишайникова, приехала к нам из города Камня. Будет учиться в вашем классе. Так, Надя...

Завуч осматривает взглядом класс, видит, что свободное место лишь за моей партой, и говорит:

– Проходи, садись рядом с Толей Монасюком.

Лишайникова проходит ко мне, садится рядом, и мы так и сидим молчком весь урок истории.

Все поглядывают в нашу сторону, пацаны, когда я смотрю на них, показывают мне большой палец: мол, давай, девка нормальная! Девчонки смотрят в основном, на Надю, шепчутся, гримасничают – что-то, видать, им в новенькой не нравится. Одна Нелька тоже мне подмигивает и, сжав губки, кивает головой – мол, не теряйся!

Вот так и прошел урок истории. А следующим был урок алгебры, и должны были мы писать текущую контрольную работу.

И когда Дмитрий Иванович расписал на доске оба варианта контрольной работы, а я уже, как и все другие, достал учебник и собрался положить его на сидение, чтобы начать списывать теорему, Дмитрий Иванович взял – и отчебучил невероятное – вместо того, чтобы сесть за свой стол и делая вид, что он поверх очков смотрит на нас, уйти на самом деле в свой блистательный мир цифр и формул, вдруг благожелательно говорит:

– Ну-к, и кто-то у нас здесь и новенькая (Хм-м)?

Лишайникова встала, ответила, что это она, и фамилия ее – такая-то, а зовут – Надя.

– Давай-к и-впишем тебя и в журнал!

Дмитрий Иванович записал в журнал Лишайникову, а потом вдруг встал – и подошел к нашей парте! Это было невозможно, невероятно, из ряда вон!!!

Я быстро сунул «Алгебру» в парту, и принял задумчивый вид. Вот только писать с этим видом я ничего не мог, и поэтому я пропустил пол-страницы под теорему и записав уравнение, попытался его на черновике решать.

А Дмитрий Иванович наклонился над Надькой, и принялся, листая ее учебник алгебры, выпрашивать, что сейчас изучают по алгебре в каменных школах, да какую тему она, Лишайникова, изучала последней...

Класс наблюдал за мной. За исключением нашей математической четверки – они лихо-радожно решали уравнения обоих вариантов, чтобы запустить машину списывания в ход и самим успеть написать контрольную работу.

Передо мной сидел Гриша Каминский с Бубликовым. И у них на сидении лежал открытый учебник. Они, правда, застыли, так как боялись шевельнуться и привлечь внимание Дмитрия Ивановича. Он, конечно, никогда никого не ловил на списывании, но ведь он и не ходил по классу.

Гриня надеялся, что пронесет и на этот раз. Но бог был сегодня не на его стороне...

Когда Дмитрий Иванович наклонился в очередной раз к Лишайниковой и учебнику перед ней, взгляд его случайно упал на парту впереди, и прямо перед его глазами оказалось сидение и открытый учебник на нем.

Дмитрий Иванович не поверил своим глазам.

Полусогнувшись, как был, он тихонько, не отрывая взгляда от сидения с учебником, сделал по проходу между партами несколько шагов назад.

Учебник не исчез!

Не веря своим глазам, Дмитрий Иванович быстро прошел по проходу вперед, обернулся и резко присел на корточки.

Это невероятно, но... Учебник был перед его глазами!!!

И тогда буквально подпрыгнув на месте, он даже не выкрикнул, а почти взвизгнул: – Каминский! Встань! Ядница за списывание!

И бегом припустил к учительскому столу.

Он вклеил Грине в журнал единицу, а класс взорвался от хохота.

Боже, как мы смеялись!

Но прошла уже половина урока, так что контрольную нужно было писать.

Надюха посмотрела на мою тетрадь, потом по сторонам и увидев, как почти все списывают из учебников, которые лежали на сидениях парт, все поняла.

Она открыла учебник и сделав вид, что что-то там читает (ей было можно – она ведь контрольную работу не писала!), сказала мне пренебрежительным шепотом:

– Пиши, горе мое! «ad + bc + 3x»... И скоро под ее диктовку теорема была написана, чертеж синусоиды перерисован – Лишайникова повернула учебник в мою сторону, и я все перерисовал в тетрадь, а когда ко мне «прибыло» решение уравнений, Надя читала мне его вслух, так что я буквально в три минуты завершил контрольную.

А на перемене мы уже стояли все вместе – Миут, Куницына, я и Надя, и весело болтали.

Мы приняли новенькую в свой круг.

А над Гриней Каминским смеялась вся школа, думаю, если кто-то и сейчас вспомнит тот случай, обязательно рассмеется.

Чуть позже, ближе к Новому, 1966, году, мы с Валеркой сошлись с новыми друзьями – Вовкой Чернявским из нашего класса, Колькой Ивановым из параллельного 11 «Д» и Ратгаром Белоперовым.

Ратика называли так родители в честь одного из викингов. Его мама была библиотекарем, любила времена викингов и много читала о них, вот Ратик и пострадал. А школу он закончил в прошлом году, но по зрению его в армию не взяли, и он в то время определялся в мыслях относительно собственного будущего.

И был безнадежно влюблен в Рукавишникову.

Вот такой компанией мы и стали готовиться встретить Новый 1966 год.

Глава 5-я. Как мы «дружили»

Наверное, через далекие годы э т о буду называть поиному. Но в наше время словом «дружили» определяют процесс ухаживания за девушкой.

Это выглядит так. Вот вы познакомились с девушкой. Вот встретились еще раз, потом еще раз. Но это еще вы не «дружите». Это вы пока встречаетесь.

Но вот вы начинаете постоянно ходить с одной и той девушкой – в кино, на Бродвее в теплое время года, а в холодное – бываете вместе на танцах в РДК. Вас видят почти всегда – вместе, и вот тогда о вас окружающие будут говорить – они «дружат».

Это – широкое понятие, оно включает как чисто дружеские отношения, без интимных, так и поцелуи, первые робкие попытки о щ у т и т ь друг друга, и возможно – отношения близкие, интимные. Главное условие – это образование пары, состоящей из мальчика и девочки. А уж как они там «дружат» – в каждой паре это происходит по разному.

А если говорить по-литературному, то слово «дружить» мы просто-напросто употребляли не в прямом, а в переносном смысле.

«Дружить» обычно начинали класса с 9-го, ну, а уж в десятом-то классе «дружили» друг с другом многие.

Но – не я. Как я уже писал, я был с девочками робок, терялся, и по большому счету – избегал их. Хотя и нравился многим. Так что думаю, что со временем у меня наверняка может получиться что-то разве что с Валюхой или Галкой, потому что там не нужно чего-то бояться, не нужно вздыхать и ухаживать, ломать голову, как сказать это или то. Ведь девочки настолько хорошо знают меня, что мне кажется, эдак через год либо та, либо другая сами мне все скажут.

Ну, а чего стесняться? Мы выросли вместе, мы рассказывали друг другу все, да мы и знаем друг о друге, наверное, все.

Только не надо думать, что я просто начну с кем-то из них спать. Да я притронусь к ним, как к взрослым, только после свадьбы!

Потому что они сейчас нам с Валеркой – как сестры, а кто же обижает сестру? И не нужно говорить, что сравнение неуместное, я и не пытаюсь сказать сейчас, что брат может «спать» с сестрой! Просто мне хочется привести пример отношений тепла, сердечности и нежности, которые испытывают друг к другу близкие люди. Ну, как брат к сестре!

Я вот сейчас пишу и представил Валюху и Галку. Их лица, глаза – как они смотрят на меня! Да вы что, даже представить себе невозможно – какие-то животные отношения с такими, как они. Они же чистые, и главное – верят во всем нам, своим кумирам! Мы для них – не просто авторитеты, мы для них все! Потому что, если я не ошибаюсь, и это у них первая любовь, я их понимаю! У меня самого... но об этом чуть позже!

Перечитал написанное, и подумал – все хорошо, но их ведь – две! И ни одна на Валерку т а к не смотрит...

Да, Валерка... Этот «дружит» напропалую, даже не смотря на их отношения с Нелькой Куницыной. Вот об этом самое время рассказать подробнее.

Валерка до Нельки, и после нее каждое лето резвится вовсю. Уж так получалось, что я каждый год почти на все лето уезжал на юг – в Крым, где у моей семьи живут в городе Феодосии близкие родственники.

И пока я купался в водах «самого синего в мире» Черного моря, Валерка купался в волнах сексуального блаженства.

Наш районный центр – один из самых крупных в крае. Поэтому к нам приезжали на практику медицинские сестры, курсантки ПТУ и каждое лето – новые молодые специалисты. Ну, нас сейчас интересуют больше молодые специалистки.

Мой неразборчивый друг мог обихаживать любую из них – несовершеннолетнюю – и девушку старше его по возрасту, агрономшу или студенту-медсестру. Главное – чтобы объект был в юбке. И по-возможности, симпатичным.

Не все поддавались чарам молодого Дон Жуана, но обычно к моему приезду список жертв был от двух – до пяти. Всех их Валере удавалось умаслить и в постель уложить.

Меня он обязательно посвящал в подробности, и нужно сказать – только меня. Он никогда не болтал о своих победах, не компрометировал девочек. И никогда не «спал» с ними более одного раза.

Этого я не понимал, да понять и не старался. И не осуждал его за легкомысленность – кроме только за одно: мне не нравилось, если он лишал девочку невинности. Узнав об этом (а Миут каждый год забывал, что о т а к и х победах мне рассказывать не нужно!) я всякий раз злился.

– Тебе что, гад, обязательно девчонок «портить»? – орал я. – Ты, может быть, жизнь девке сломал!

– А я что, блин, виноват? – орал в ответ он. – Я же узнаю об этом, когда уже все произошло!

– Ну, так узнать надо было!

– Как, на фиг, это узнаешь? Я что, спрашивать должен? Это как можно? Вот когда сам начнешь с бабами е... ся, сам узнаешь – там в запале не до расспросов!

Ну, вот примерно, так. И каждый август!

А потом в сентябре один-два раза он обязательно прибегал ко мне с белыми глазами с очередным письмом от бывшей своей пассии. В котором она сообщала, что Валера, возможно, станет папой.

– Сочини что-нибудь, ты же умеешь! – упрашивал он меня с умоляющими глазами.

И я сочинял! И сочиняю теперь! Ведь он мой ближайший друг, куда же от него денешься.

И я писал ему черновик письма примерно такого содержания:

«Дорогая Надя (Клава, Маша, Оля)!

Письмо я получил..., и так далее.

Но думаю, нельзя нам сейчас иметь ребенка, потому что ни ты, ни я к этому не готовы.

Я – школьник, несовершеннолетний, ты – ..., и тому подобное.

Думаю, нельзя допустить рождения ребенка, так как у нас еще все впереди, и все может быть в будущем. Когда мы выучимся, получим возможность зарабатывать на жизнь, получим квартиру. Вот тогда...» – и далее много еще всякой обволакивающей лабуды.

Мне было противно – но я сочинял все это.

Впрочем, думаю, что Валерку «брали на испуг» – не было никаких беременностей, потому что ни разу второго письма от девушки не приходило. Так что его, скорее всего, просто прощупывали. Когда узнавали, кто его папа и мама.

Вот отчасти чтобы сбить сексуальную агрессию Миуты, я и свел их с Нелькой. Ровно год назад, то есть – когда мы учились в 10 классе.

Дело было так.

Как я говорил, долгое время Куницына, я и Валера ходили вместе. Именно – ходили, а не «дружили» – я ведь выше объяснил значение слова «дружить».

Но в какой-то момент я понял, что так дальше продолжаться не может – ну, мы же были достаточно взрослые, и развивались тогда быстрее, чем раньше. И каждый из нас понимал, что есть отношения иные, чем дружеские. В прямом смысле этого слова.

И вот однажды сидим мы у меня на кухне, поели борща, который варила моя мама, а она варила настоящий украинский борщ. Мария Константиновна, Валеркина мама, варила щи, борщ не готовила, и Валерка с наслаждением вкушал борщ за моим столом.

Вот так мы с ним пообедали, и теперь пьем чай с вареньем. Варенье Миут любил не меньше борща – был сладкоежкой, а тогда в Сибири только начинали разводить плодово-ягодные культуры.

Мы же привозили с собой с юга такие сорта варенья, как вишневое, кизиловое, малиновое.

В общем, для нашей Боговещенки, где варили варенье в основном из яблочек местных сортов, ну и кое-кто – из лесных ягод, наши варенья были экзотикой.

Валерка мог сожрать за раз полбанки этого сладкого лакомства. Поэтому перед чаепитием я накладывал ему большую розетку варенья и он знал – больше сегодня варенья не будет!

И с тоской поглядывал в сторону буфета, в котором стояла поллитровая банка. Недоступная, увы, для него...

Пьем мы чай, и я завел разговор.

– С Нелькой что-то решать надо... – говорю я.

– Угу! – отвечает он, занятый вареньем.

– Ну, и кто «дружить» с ней будет?

– Ты! – говорит Валерка. – На фиг мне, блин? Ее и за грудь-то не потрогаешь!

– Вот и потрогай! – цинично говорю ему я. – Грудь у нее красивая!

– Это точно! – отвечает упрямый Миута. – Только мне это на фиг не надо! Мне баб хватает и так! Давай – ты!

Но я, закомплексованный и по-прежнему робеющий перед девчонками, просто не мог согласиться.

– Не-ет, – говорю. – Давай ты!

– Не хочу! – отвечает нахальный Миут. – Не надо это мне, Толя, понимаешь?

Я смотрел, как он выскребывает ложечкой розетку, выбирая варенье до капельки, и неожиданная мысль пришла мне в голову.

– А за банку варенья?

– Не-ет! – отвечает мой нахальный друг.

– Ну, а за две?

И увидев, что он заколебался, я добавил, цинично выделяя голосом каждое слово:

– Малинового! Две банки малинового варенья!

И Миут не устоял. Пал бастион!

– Ладно, Толя. Две банки варенья! Давай сюда!

– На фиг, на фиг, Валера! Когда «задружишь», когда назад сбежать не сможешь, вот тогда и получишь! Частями, за четыре раза! По пол-банки! Меня иначе мать съест самого – как я ей скажу, куда варенье подевалось? Сразу две банки?

– А тогда как?

– А вот так! Сейчас – сентябрь, два месяца дружишь, и в декабре получаешь варенье! По половину банки каждую неделю!

Вот так Валера начал дружить с Неллей. Они вместе встречали прошлый Новый год, но в нынешний Валерка собирается от Нельки сбежать.

Чтобы встречать новогоднюю ночь с нами, в сборной компании. Тем более, что Нелька сама дала ему такую возможность.

Вообще-то у нас в классе «дружили» человек десять. Нет, не друг с другом, то есть – одноклассники. Как раз одноклассников было двое – Валерка и Нелька.

Но Валерка всегда оставался в первую очередь – моим верным другом. И когда Нелька перед Новым годом решила выпендриться, и воспользовавшись дурацким поводом, затеяла ссору, Валерка это доказал.

Дело было так.

Накануне ссоры мы с Валеркой сидели у меня и затеяли спор, каких больше военных кораблей писатель Степанов описал в своем романе «Порт-Артур» – японских, или наших, российских.

Негодяй Миута всегда читал книги от корки – до корки. А я – лишь основную часть. Я никогда не читал послесловий, примечаний, справочных материалов, обычно помещенных в конце книги.

Был вечер, мы одновременно азартно листали книги: он – первый том романа, а я – второй. Потом мы поменялись. Мы выбирали из текста упоминания различных военных кораблей времен осады крепости Порт-Артур японцами в 1904 году.

Валерке нужно было бежать на свидание, но какое же свидания, когда он готовился так ловко «умыть» меня?

Он позвонил Нельке по телефону (у районного начальства дома были телефоны) и сказал, что не придет. И не стал объяснять причину.

Вечер кончился тем, что он предъявил в конце второго тома романа набранные мелким шрифтом полные списки японского – и нашего военных флотов.

А ведь вместе со мной выискивал весь вечер в тексте упоминания о названиях кораблей, подлец!

Ну а как иначе? Иначе было бы не интересно...

На другой день Нелька, выпытав у Валерки причину, по которой он не захотел встретиться с ней, устроила ссору и заявила, чтобы он выбирал – либо она, либо Монасюк!

Валера, не долго думая, сказал: «Только!», и ушел.

Нет, ну а чего – «дружил» он с Нелькой из-за принуждения, а выпоренное варенье уже доедал – шел декабрь месяц.

Ну, а что касается меня, то как раз этой осенью у меня случилась первая любовь.

Глава 6-я. Первая любовь

Ее звали Валя, Валюша Разина, и была она студенткой Славгородского педагогического техникума.

Мы познакомились с ними весной – гуляли по Бродвею, уже – в легких одеждах. Мы, мальчишки – в брюках и рубашках с длинными рукавами, на плечах – пиджаки (поздними вечерами было еще прохладно – с поверхности озера тянуло холодком), а девушки – в платьях, по летнему ярких, с косынками на плечах.

Ну, а если они припозднились – это уже наше дело было их согреть. Отдавая им пиджаки.

Вот так мы с Миутой и гуляли прошедшей весной (Нельки почему-то с нами не было), потом слышали музыку и подошли к лавочке, что стоит напротив райисполкома.

И, естественно, увидели Бульдозера и его друга, Моцарта. Они исполняли дуэтом что-то быстрое. Причем сначала мелодию вел гитарным перебором Бульдозер, а Моцарт протяженными звуками баяна создавал музыкальный фон. Потом они менялись – основной рисунок вел Моцарт, а Борька гитарным боем очерчивал ритм.

Народу собралось – человек пятнадцать, мы подошли и тоже постояли, послушали. Нас тут же окружили Гемаюн и наши девчонки. От радости, что мы пришли, Валюха и Галчонок дергали нас за рукава, подпрыгивали вокруг нас, что-то шепотом говорили, ну, а Сашка, как и подобает всякому командиру, старался быть серьезным, но удавалось ему это плохо. На его добродушной физиономии то и дело пробивалась улыбка.

Вот тут-то мы и увидели два новых лица. Это были Валя и Оля, ее подруга.

Когда Бульдозер и Моцарт собрали инструменты и пошли домой, все стали расходиться, и Валерка решил попробовать «склеить» новеньких.

Мы догнала девушек, заговорили с ними, потом предложили свои пиджаки – стало действительно прохладно. А далее, естественно, мы пошли их провожать.

По пути познакомились – черненькую звали Валя, а беленькую – Оля.

Мы довели их до дома, в котором они снимали квартиру на время практики. Весеннюю практику они проходили в нашей новой средней школе – номер два. Поэтому мы их раньше и не встретили.

Договорились увидеться завтра же, вечером, у кинотеатра.

Но вести в кино обеих девушек пришлось мне. Потому что Валерка пришел в кинотеатр вдвоем с Нелькой.

Зная, что я приведу девчонок в кино, он не взял наши обычные места – крайние сбоку от прохода на последнем ряду. Он купил места чуть впереди, а перед сеансом встал, повернулся к нам и помахал рукой. Я ответил ему тем же. Нелля, конечно, повернула голову и посмотрела, кому это Миут машет рукой – ей ведь была известна репутация Валерки. Кроме того, она наверняка была удивлена – в кино всегда мы ходили втроем, а тут меня нет. Но увидев, что я с девушками, она тоже помахала мне рукой.

Валя и Оля, естественно, поняли, что у Валерки есть постоянная подруга, и вплоть до их отъезда домой, после практики, я гулял вечерами с ними один.

А когда они уезжали, я дал им свой крымский адрес, сказал, что буду в Феодосии все лето, и пообещал, что той, кто напишет мне, я отвечу. Напишу обязательно! И из Феодосии, и затем, после возвращения назад, из Богоявленки.

Написала мне Валя. Обычное дружеское письмо, я ответил, потом написал ей уже из Боговещенки.

Так начался наш «почтовый роман».

Одноклассники первыми узнали о нем. Самым простым образом – в комнате у меня на столе теперь стояла застекленная фотография Вали. Как-то ко мне пришли девчонки-одноклассницы, увидели, стали расспрашивать. Я отшутился, тогда они все выпытали у Миуты.

Но остроту внимания к моему роману со стороны боговещенской молодежи подстегнуло следующее обстоятельство.

Именно начиная с осени 1965 года я начал пользоваться особым вниманием девочек. Причем обычно это были особенные девчонки.

Например, я очень нравился весьма авторитетной одиннадцатикласснице из КСК (Кучукский сульфатный комбинат) Тамаре. В поселке КСК была своя средняя школа, там она и верховодила. Увидели мы друг друга на районной комсомольской конференции, и... Я – увидел и забыл, Томка – начала долговременную осаду.

А уж когда Рукавишникова оказалась со мной на скамейке, да в затененном кустами сирени уголке, да один на один... Вы думаете, то наше случайное, как я считал, свидание осталось незамеченным? Щас! Боговещенка – поселок маленький, а ведь со мной была ни кто иная, как сама Рукавишникова! И молва гласила, что мы даже перебросились с ней несколькими фразами!

Молодежь настороженно наблюдала за мной. Я это чувствую и сейчас. И когда страшная для меня весть стала известной всем наши пацанам, они принялись мстить.

Но – по порядку.

Валя Разина аккуратно писала мне, но вот встретиться нам как-то все не удавалось. Я был школьником, и поехать в Славгород родители мне не разрешали. Хотя там и жили моя бабушка и дядя.

– На новогодние каникулы поедешь, – сказала мне мама. – А раньше – и не думай! У тебя выпускной класс!

Я упорно приглашал Валу, Нелька сказала, что Разина может переночевать у нее. Так что проблем с жильем не возникло бы, но Валя... То у нее бабушка болеет, то брат, и нужно съездить на выходные в Озерки (она была не из самого Славгорода, а из села Озерки, километрах в семидесяти от города). А то – важный зачет и нужно учить...

И я заподозрил неладное. И решил подозрения проверить.

В Славгородском педтехникуме училась наша боговещенская девочка.

Но нужно было найти к ней подход! Ведь не спросишь вот так, «с бухты-баракты», человека – ты не знаешь, твоя однокурсница «дружит» с кем-нибудь? В Славгороде?

Подход имел Вовка Чернявский. Но он сказал, что знает Женьку (так звали нужную нам девушку) – просто так ничего не скажет! Нужно подпоить!

Когда Женя приехала на выходной в Боговещенку, я организовал дома вечеринку, в которой приняли участие Валерка, Нелля, я и Вовка с Женей.

Валерка с Вовкой ловко подпоили Женю, и Чернявский пошел ее провожать. А мы ждали результата.

Вовка вернулся через час и рассказал нам следующее.

У Валентины действительно последние несколько месяцев появился друг – молодой агроном из близлежащего совхоза. У него – автомашина «Москвич», так вот Женька достоверно знает, что Валя с агрономом на «Москвиче» каталась, и не раз.

Было у них что-то еще, или нет – Женька не знает, но соседки из комнаты, в которой жила Разина, рассказывали, что она однажды вернулась поздно, и чуть по полу не каталась, бормотала: «Что я делаю, я же Толика люблю...»

– Все! Больше ничего она не знает, – завершил рассказ Чернявский и потребовал «налить ему стакан винца – заслужил»!

Мы выпили винца, причем я – даже не чувствуя вкуса.

Вовка Чернявский всегда был треплом, я его забыл предупредить, чтобы он не болтал, и в результате наша молодежь уже через несколько дней принялась лупасить всех славгородцев, выманивая их из автобуса.

Пока об этом не узнал я и не запретил эту дурь. Причем тут славгородцы, когда агроном был из пригородного совхоза?

Но сделал это уже после возвращения из Славгорода.

Ну, а что – я, конечно, засобирался в Славгород. Чтобы все выяснить. И определиться.

Валя уже жила на частной квартире, у нее был выпускной год, и наверное, к экзаменам она хотела подготовиться получше. В случае получения ею красного диплома с отличием она имела право на льготное поступление в мединститут.

На этот раз мама даже не пыталась меня отговорить – наверное, узнала все. Она ведь работала в нашей школе, с ней вместе – мама Чернявского, да и других учителей, которые могли узнать об этой истории от своих детей, было достаточно.

Я написал письмо Вале, предупредил, что приеду, и назначил свидание у дверей ее техникума. Но она не пришла, а какая-то девочка передала мне записку от Разиной. Она писала, что вынуждена срочно уехать в Озерки – заболела мама. Но приедет на следующий день.

А на следующий день мне нужно было возвращаться. Я купил билет на поезд и за два часа поехал к ней на квартиру. И – о чудо! Я застал Валю дома.

Разговор у нас вышел скомканным. Я не решился прямо задать вопрос – есть ли у нее кто-то, а лишь спросил – может быть, она не хочет мне писать и встречаться со мной? Она ответила – ну что ты! Конечно, хочу. Вот только экзамены на носу, и мама часто болеет...

И я не решился ни на что. Ни порвать наши так и не начавшиеся отношения, ни утвердиться во мнении, что нужно их продолжать.

Я ехал в поезде и думал – что же мне делать? Как быть? Это ведь была первая моя любовь, и при мысли, что моя Валя сейчас с кем-то... мне хотелось умереть!

Вот с таким настроением я и приблизился к Новому, 1966, году. И я не хотел идти на ночную новогоднюю вечеринку, но мы так готовились, столько потратили сил и денег...

Так что идти было нужно...

Глава 7-я. Одноклассники

Конечно, нельзя не сказать несколько слов об одноклассниках. Как-никак, кое с кем из них я учился в классе вот уже седьмой год.

Но... В нашем классе до появления Нади Лишайниковой был 41 ученик, а теперь стало 42. И обо всех я рассказать не могу.

Но вот о наиболее интересных, тех, с кем я общался чаще, чем с другими, я не могу не написать.

Начну с первого ряда парт, того, что был у окна.

Здесь за второй по счету партой сидела Карасева Света. Света многие годы была лидером наших девочек. А девочки в нашем классе были – ох, какие боевые!

Именно Света всегда направляла ход наших вечеринок и руководила на них. Как-то так получилось, что на этих вечеринках старшими были наши девочки, а мы, мальчишки, им подчинялись.

Что это были за вечеринки? Ну, тут все просто!

После 1-го сентября 1965 года мы решили отметить начало нашего последнего года обучения в школе. И в ближайшее воскресенье собрались у одного из нас дома потанцевать, выпить и закусить.

Девчонки приготовили поесть, кто что мог, и принесли еду. Мы, пацаны, купили спиртное (вино производства нашего Райпищепрома), а также озаботились грампластинками для радиолы.

Мы прекрасно провели день! Мы танцевали, болтали, вспоминали недавнее лето.

И нам так понравилось, что в следующую субботу, утром, перед началом занятий, кто-то достал календарь и, листая его сказал:

– А что это у нас завтра за красный день? Ого, день мелиоратора! Ребята, так ведь нужно отметить День мелиоратора! Праздник-то – значимый, важный для народного хозяйства, и для нас – тоже! У кого дома никого из взрослых завтра не будет?

Опять нашлось свободное помещение, моментально по классу пролетел листок бумаги, на котором записывались все желающие, и все перемены между уроками в эту субботу были посвящены оргмероприятиям по проведению воскресной встречи.

Опять мы славно повеселились, и вот тут-то девчонки показали зубки.

Они обвинили нас, мальчишек, что мы приносим слишком много спиртного и заявили, что отныне на таких мероприятиях бутылки будет принимать Карасева, Мы должны ей спиртное предъявить, а она лишние бутылки будет забирать с собой «до следующего раза».

Норма, которую нам определили Светка и девичий актив, нам показалась до обидного малой и просто смешной. И тем не менее...

Вот с того дня и пошло – как воскресенье – так 11 «В» отмечает день шофера, день работников химической промышленности, а также день взятия Бастилии, день рождения Маркса, и так далее и тому подобное. И честно говоря, я пока не припомню, чтобы мы не собрались два воскресенья подряд.

Иногда собраться не получалось по техническим причинам – это – да! Главная такая причина – не оказывалось в воскресенье свободного от взрослых помещения.

А что до верховенства... Я думаю, что девчонки взяли власть в руки не потому, что контролировали потребление нами спиртного. Просто основная тяжесть подготовки наших встреч ложилась на них.

Они обеспечивали еду, накрывали стол, а потом убрали за нами и мыли посуду, а мы – что мы? Спиртное нам продавали свободно, а пластинки дома были почти у каждого. Подумаешь, заранее выпросить, кто такую пластинку хочет послушать...

Так что командовали парадом они, наши девы, заслуженно...

А что до спиртного – то это им только казалось, что они контролируют количество выпитого.

Мы ведь – русские мужики, и плохи бы мы были, если бы не нашли выхода!

В каждом доме всегда вход в жилое помещение предваряют сенки (или сенцы). И всегда часть их отгорожена под холодную кладовую. Мы быстро поняли, как можно использовать такую особенность архитектуры наших боговещенских «хат», и стали действовать так.

Часть бутылок с вином мы, конечно, заносили в дом и вручали Светке. Причем всегда – на одну-две бутылки больше «нормы». Чтобы не вызвать подозрений, а она, значит, могла довольно сказать: «Опять притащили лишнее...», и избыток запрятать «до следующего раза».

Но большую часть спиртного мы, заходя в сенки, прятали в кладовой. И в течение нашего вечера, когда выходили покурить в сенки, потягивали винцо из горлышка и постепенно доходили до состояния благостности и доброты. Проще говоря, до невысокой стадии опьянения.

Девчонки терялись в догадках. Вроде выпиваем все вместе, не очень-то и помногу, но к концу вечеринки одни – трезвые, другие пьяные.

Как так? Но мы секрет свой не выдавали.

Карасева руководила многими мероприятиями, которые подготавливали и осуществляли наши девчонки.

Например, прошлой весной мы, парни, по мнению наших «дев» слегка подразболтались и с наступлением тепла протоптали тропку не туда, куда нужно. А именно – в общежитие медучилища, которое располагалось по улице Кучерова на противоположной от моего дома стороне, то есть если идти, минуя площадь дальше, то – почти на окраине поселка.

И вот теперь вечерами в воскресные дни мы ходили в общежитие, и могли даже пропустить танцы на танцплощадке. И это все очень не нравилось нашим девочкам.

Однажды, часиков примерно в семь вечера, мы, в белых нейлоновых рубашках, парадных брюках и туфлях вышли на площадь, двигаясь неспешно по улице Кучеровых, и было нас человек пять. Ну, я, Миут, Чернявский, Бобров, еще кто-то...

И вот прямо на площади мы натыкаемся на наших девчонок! Причем они в темных спортивных трико, со штакетинами в руках, а на двух из них – мужские шляпы! Воинственные на вид, прям бабье войско, блин!

И идут они со стороны улицы Кучеровых, а впереди всех вышагивает Светка Карасева! Встретились, остановились, заговорили.

– В общежитие топаете? – осведомляется Светка.

– Топаем. И чего?

– Идите, идите! – это уже говорит Надька Лишайникова. Она в шляпе, сдвинутой набок, покраснелась, и вид у нее самый что ни на есть боевитый.

– И пойдём! – говорит Миут.

– Идите, идите! Вас там ждут!

– Ну, и ждут! – это уже Чернявский Вовка присоединяется к полемике.

И мы идем дальше. Чувствуем, как нам смотрят вслед. Тяжелые недоброжелательные девчачьи глаза.

Мы пришли – и вынуждены были уйти! Нам не открыли двери в общежитие! Как мы не просили – в форточки девчонки нам заявили, что они нас больше пускать не будут, мол,

ваши девки приходили и сказали, что если хоть раз мы вас пустим – они ночью нам все стекла в окнах повыхлестывают!

Ну, больше мы в общежитие не ходили, тему эту в разговорах с одноклассниками не поднимали, но вечерами, когда в парке мы иногда бросали свои взоры в сторону общежития, мы частенько ловили злорадные взгляды одноклассниц.

И хоть бы сами они с нами дружили! А так... ни себе, ни людям. Собственницы фиговы!

А организовала все это Карасева – потом нам Нелька сказала.

Такой вот атаманшей была Светлана Карасева. А вообще, по особенностям характера, она была не по годам мудрой, уверенной в себе и – настоящим другом. Если Света бралась помочь – она помогала.

И поэтому ее уважали в классе.

Дальше, за Карасевой, сидела за следующей партой Куницына, но о ней я уже говорил достаточно. А с ней сидела Маслова Люда.

Людка Маслова была девчонкой некрасивой, но спортивной, активно участвующей во всех классных «мероприятиях».

Это ей принадлежит фраза, сказанная обо мне, когда за мной начали бегать Тамарка из КСК, и еще кое-кто. Людка тогда однажды сказал во всеуслышанье: «Только Монасюк всегда будет нравиться только распутным женщинам. У него лицо такое!»

Я до сих пор не знаю, что она имела в виду. Во-первых, под «таким моим лицом» – какое такое у меня особенное лицо? И во-вторых – какие такие распутные женщины имелись в виду? Тамарка? Да она была в своей школе вроде Светки Карасевой в нашем классе, а уж Карасева всегда себя блюла...

Люда не пользовалась таким уважением, как Карасева, она была слишком категоричной. Но по большому счету – на нее можно было положиться.

И еще она была такой же фанаткой спорта, как Валерка Миута.

За Кунициной и Масловой, на следующей парте, сидели Вова Смертин и Ваня Репетун.

Отец Вовки был заведующим районным отделом образования, то есть главным начальником школ района. Ну, и поэтому Вовке в школе кое-что сходило с рук, такое, за что всех остальных наказывали.

Но это – ерунда! Главная беда Вовки была не в этом.

Из нас всех (а Вовка тоже входил в нашу компанию – я имею в виду дружеский круг: Миута, я, Чернявский, Куницына, Лишайникова и еще кое-кто), так вот, из нас Вовка был самым пьющим.

В одиннадцатом классе, в том же сентября, с которого я начал свой рассказ, Вовка, выходя из класса и школы, домой сразу не шел. Мы не раз видели, как он тут же, разжившись вином, сидел на одной из лавочек сразу после занятий, и вместе с несколькими алкашами пил вино прямо из горлышка бутылки.

Не нужно думать, что мы молчали. Мы убеждали его, говорили ему, был случай – били физиономию. Но что толку?

Проблема была в том, что пил люто и его отец. А Вовка... на наших вечеринках почти каждый раз его приходилось нам, пацанам, тащить домой на своих плечах.

Но не гнать же его, как шелудивого пса, от себя? Мы все – одноклассники, мы каждый раз, когда он напивался и нам приходилось с ним возиться, ругали его, он каялся, обещал, но все – до следующего раза! И он наступал, этот следующий раз, и мы вновь брали с него слово – не пить! Он в очередной раз давал его, а потом втихаря бегал в сенки и глотал вино, пока к концу вечера не оказывался пьяным в умат.

На следующий день он опять просил у нас прощения, и с этого начинался новый круг. Но по большому счету мы Вовку любили. Он ведь был очень добрым. И никогда никого не предавал – но вот по характеру был, наверное, слабым.

Ваня Репетун был учеником, который жил в интернате. Его родители жили в каком-то маленьком селе, где была только начальная школа. Так вот, Ваня – воистину человек «от земли».

Возможно, кто-то скажет, что он был ограниченным. Возможно, он не знал ничего «интересненького». Все это так и было.

Но пожалуй, уже в то время Ваня был единственным из нас, кто всегда знал, чего он хочет. Он освоил в школе профессию тракториста, работал в совхозе, и уже в 1970 году получил по итогам сельскохозяйственных работ высший орден СССР – Орден В. И. Ленина.

А в школе – в школе он был тихим, старался оставаться незаметным, всегда улыбался как-то виновато. Он не участвовал в наших вечеринках – мы ведь не понимали тогда, что у него просто не было денег на такие забавы.

А учился Ваня средне. Но никогда двоек не получал.

Второй, средний, ряд парт. Прямо перед учительским столом сидел Виталик Соколовский. Он, как Чернявский, Бобров и мы с Миутой – тоже осваивал профессию шофера.

С ним рядом – Валюша Иванкова. Это – наша певица. У нее сильный голос, и она участвовала от нашего класса у художественной самодеятельности школы.

На следующей парте сидели Чернявский Вовка и Бугров Коля.

О Вовке Чернявском я уже упоминал, и не раз. Он был неплохим парнем, но баламутом, легко хватался за какое-нибудь дело, и так же легко его бросал. Без сожаления! Именно он, когда меня начнут «осаждать» девчонки, причем – сплошь необычные, «не как все», будет постоянно «гундеть» мне:

– Толик! Вые... и ты их, это ведь для здоровья полезно! Вот я, после того, как...

Он по осени переспал с одной из девочек из медучилища, лишился невинности и чувствовал себя на седьмом небе – еще бы! Мужиком стал! И всем нам теперь давал советы, как это здорово. И кроме того, еще и научную базу подводил – мол, для здоровья половая жизнь полезна, способствует взрослению и умственному развитию!

Враки! Если бы эта жизнь была полезна в этом смысле, Миут был бы гением – сгустком интеллектуальной квинтэссенции.

Так что я от Вовки отмахивался.

А вот Коля Бугров был тихим, спокойным мальчиком. Но – всегда как бы «в себе» – мог отчебучить в любой момент такое!

Например, недавно мы писали в классе сочинение на тему: «Поэма В. Маяковского «Владимир Ильич Ленин».

Чернявский, сидя рядом, говорил нам потом, что Бугров записал в тетрадь тему сочинения «Образ В. И. Ленина в поэме В. Маяковского «Владимир Ильич Ленин», после чего застыл, уставившись в одну точку. Вовка писал тему «Образ пролетариата в поэме», и, конечно, поинтересовался, что собирается писать Бугров. Колька от него отмахнулся, написал посреди строки в тетради: «План работы», и вновь застыл в прострации.

– Молчит и не двигается, на фиг! – говорил нам Вовка. – А потом написал одну фразу: «Ленин не понимал стихов Маяковского и не любил поэта». И опять, блин, уставился в одну точку – и замолчал.

Как нам стало известно позже (мне – от мамы), через какое-то время Бугров написал в тетради не очень-то складные, но полные меланхолии и неизбывной тоски стихи:

ТЕЧЕНИЕ ЖИЗНИ ВСЕ БЫСТРЕЙ,
В ДВЕРЯХ И ОКНАХ —
ЛИЦА ТАМ И ТУТ...
ВОТ ТОЛЬКО ЧТО-ТО НЕТ ДВЕРЕЙ,
ТЕХ САМЫХ, ЗАПОВЕДНЫХ —
ГДЕ ТЕБЯ ЛИШЬ ЖДУТ...

В конце урока он написал ниже стихотворного «шедевра» еще всего одну строку: «Ну, не понимал Ленин стихов Маяковского! И я их не понимаю»!

И сдал тетрадку на проверку нашей преподавательнице по литературе Клавдии Павловне Гутиной.

На следующем уроке Бугров получил тетрадь обратно, а ниже его откровений стояла написанная красными чернилами оценка «5», а рядом в скобках – («условно»).

Фига с два! Нелька и Надька подсмотрели в журнале, что Бугрову наша Клавдия поставила вполне конкретную пятерку. А никакую ни условную...

За третьей партой среднего ряда сидел «его величество» Миута и рядом – Алька Соколова.

Алька – отличная девчонка и надежный товарищ. Иногда она тоже примыкала к нашей компании, но чаще держалась сама по себе.

С лняными прямыми длинными волосами, вздернутым носиком и улыбчивыми ямочками на щеках она была неисправимой хохотушкой. Этим пользовался Миут, он, подлец, все-таки был шкодливым пацаном. Ему ничего не стоило сорвать урок. Правда, делал он это не часто, но мог, мог... В прошлом году я сначала сдуру сел с ним за одну парту. К сожалению, я тоже смешлив, и он принялся этим пользоваться. Рассмешит – а сам сидит с видом пай-мальчика. Мне делают замечание, в классе – тихонько похохатывают, а Миут сидит довольный. И вот уже в конце первой недели мне все это надоело, и я сказал Валерке – все! Ты хоть лопни, а я смеяться не буду.

Он изощрялся два урока. То и дело он наклонялся к моему уху, нашептывал то новые анекдоты, то рассказывал, как вчера Смертин напился и его мать веником лупила, а он закрывался руками и говорил: Ма-маня! Ма-маша! Прекратить! Я требую – прекратить!»

И вот в таком духе. Я внутренне давился от смеха, но терпел. До третьего урока – физики.

Вела «физику» в то время в нашем классе практикантка. И тема была – что-то с электромагнитными силами, действующими на тело, помещенное в электромагнитное поле.

Уже с самого начала урока я насторожился. Миут был непривычно серьезен, спокоен и собран – словно готовился к разбегу перед прыжком в высоту. И я насторожился – мы ведь столько лет были с ним вместе, как говорится, «не разлей вода», что я просто не мог не знать его натуру.

Он определенно готовил какую-то гадость...

И вот когда практикантка рассказывала нам о действии сил на тело, Миут понял руку. – Да, пожалуйста! – вежливо сказала практикантка.

Лучше бы она не делала этого. Но она ведь не знала натуру Валерки!

– Вот я не понимаю, – доверительно и негромко начал Миут. – Вот эти силы... Это как? Как они действуют? Где они? На веревочках подвешены, что ли?

В классе стояла тишина. Вопрос был столь дурацким, что никто в классе пока не осознал, не прочувствовал юмора.

Конечно, опытный Александр Петрович, наш «физик» мигом бы понял, что Валерка валяет дурака, и просто бы сказал:

– Вопрос ясен. Садись, Миута, я сейчас отвечу.

И тем самым просто спустил значение вопроса на тормозах.

Но фокус в том, что ему такого вопроса Валерка бы никогда не задал. Не зря о Миуте сказал как-то в кинотеатре Вовка Очнев, ученик классом старше, когда однажды Миут принялся «выживать» во время киносеанса:

– Ох, и шкодливым же бывает Миут, когда чувствует себя безнаказанным...

Но вернемся к уроку физики и вопросу, заданному Миуту.

Итак, ученик не может понять, что представляют из себя невидимые силы – это что, ниточки такие?

Попробуйте объяснить ученику, какие они – физические силы? Ни каково их действие, а что это такое?

Практикантка вместо того, чтобы Валерку одернуть, углубилась в объяснения, и стала запутываться в них. Миут настаивал, что не может понять – они на ниточках, силы эти, или на невидимых проволочках? При этом он держал в руках открытый учебник «физики» и тыкал пальцем в рисунок, где изображалось подвешенное в электрическом поле тело.

Я не выдержал и расхохотался. Как и весь класс. А Миута был доволен – меня рассмешил, урок сорвал – в общем, он на виду и так далее.

На перемене я собрал портфель и пересел на третий ряд за пустую парту – в том году у нас подзадержались интернатские ребята, и свободных мест в классе пока было много.

Миута несколько дней упрашивал меня вернуться, сулил всякие блага и обещал, что не будет смешить – дудки! Я не поддался, и так и сидел на этом месте, один за партой. Пока Надька Лишайникова в нам из Камня не приехала...

Так вот после меня к Валерке посадили Альку Соколову. И Миут обрел объект для юмористических изысков – Алька постоянно смеялась. Пока однажды на уроке литературы, получив несколько замечаний за «неуместный смех», не встала и не заявила:

– Клавдия Павловна! Пересадите меня от Миуты! Он меня расхохатывает!

После этого Валерка потерял интерес к своей соседке.

На последней парте сидели Пугачев с Заславским.

Заславский был одним из наших «математиков» – он входил в четверку тех, кто на контрольных работах обеспечивал классу решение задач и уравнений. Он, в отличие от нас, был человеком целеустремленным и прогматичным: понимал необходимость знания курса математики. И позже он с первого раза поступит в Новосибирский институт НИИГАиК (институт геодезии и картографии).

Я еще расскажу позже, как и наша компания собралась учиться, только на геологов. И что из этого вышло.

А Заславский просто взял – и выучился на геодезиста.

Но это, конечно, позже. А с его соседом Саней Пугачевым связана особая история. Но о ней не стоит говорить сейчас – это тема особая.

Третий ряд парт располагался у стены с дверью класса. И – с вешалкой, тогда все ученики раздевались в своих классах.

За первой партой здесь сидел «Бобер» – Бобров Толька. Тот самый, что в 7-ом классе ухитрился получить четвертную пятерку по немецкому языку – «за просто так».

А вот за третьей партой, передо мной, сидели Гриша Каминский и Беликов Саша.

Каминский прославился на всю школу тем, что его единственного за все время своего преподавания поймал на списывании из учебника во время контрольной работы наш учитель математики Дмитрий Иванович. А вот Беликов Сашка – о нем стоит рассказать подробно.

Он был исключительно талантлив. Он великолепно рисовал и писал стихи.

Представьте себе такое.

Идет урок. Тихо, лишь шелестят страницы, да звучит в классе голос учителя, объясняющего новый материал.

А по классу гуляет, передаваемая потихоньку пацанами из рук в руки, выполненная карандашом на тетрадном листке карикатура.

На ней изображен Гитлер, со сбитой набок фуражкой, со спущенными штанами, загнутый «в третью позицию».

Его «снашает» в задницу советский солдат, в форме, пилотка сбита на затылок, с лица градом катится пот.

Поражает величина полового органа (причем и сам член, и генеталии выписаны тщательно и очень реалистично)...

У рта Гитлера – в традиционном для карикатуры овале стихи:

О доннер ветер, руссишь швайн

Что б ты издох... О, нихте, найн!

Советский солдат отвечает ему: в овале у рта солдата «Не ходил бы ты, кувшин, воду гулять...»

То здесь, то там пацаны прыскают от смеха и, толкнув в спину впередисидящего, передают карикатуру дальше.

А сам Сашка сидит с серьезным видом.

Он рисовал все время. Например, после той знаменитой контрольной Сашка пустил по классу карикатуру, на которой были изображены Дмитрий Иванович, который завис в воздухе во время прыжка со словами: «Каминский! Ну-к, и встань! Яданица!!!», и наш Гриня, стоящий у парты с выпученными глазами и всплескивающий руками.

Что интересно, ни одна карикатура, по большей части – «скабрезного» содержания, так за все годы в учительские руки и не попала.

Ну, и наконец, наша с Лишайниковой парта – четвертая в этом ряду.

О себе я расскажу подробно попозже, а Надька – Надюха была своя в доску! Она тоже увлекалась спортом, но училась хорошо, и вскоре делила «терки» в нашей компании – с «дружкой» с «Берликом» – Бериковым Женькой, работавшим сначала в РДК, а потом дежурным электриком на поселковой подстанции, подающей электроэнергию Боговещенке.

Если рассказывать коротко, и лишь о некоторых – то вот, пожалуй, и все, что я могу сказать о своих одноклассниках.

Глава 8-я. Наш досуг

Если говорить о нашей повседневной жизни, то начинать, конечно, нужно с учебы.

В 1965—66-х годах в школах был лишь один выходной день – воскресенье. Так что отдыхали мы один раз в неделю, и так – с 1 сентября и до 30 мая. Потом была летняя практика – это две недели работы в школьном саду либо на полях нашего колхоза «Светлый путь».

Но зато занимались мы в первую смену, за исключением начальной школы и 4—6-х классов. И как я уже упоминал, начинали мы занятия в 8 часов утра, и заканчивали в половине второго.

Но это – старшие классы. А все остальные после занятий попадали домой гораздо раньше.

Я имею в виду, естественно, первую смену занятий.

В школе у нас не было изобилия кружков, но их было достаточно, чтобы желающие могли развивать свои творческие способности.

А вот спортивных секций было множество. И в теплое время наш школьный стадион, (а в холодное – спортивный зал) были заполнены детьми и молодежью.

Но не нужно думать, что мы только учились. Наш досуг – это время, когда мы были предоставлены сами себе, и могли заниматься всем, чем угодно, был может быть и не слишком ярким, но нам он – нравился!

Мы много читали, вечерами – ходили в кинотеатр. Тогда каждые два дня шел новый кинофильм, и я не помню, чтобы это правило хоть бы раз нарушалось. Конечно, в теплое время мы частенько предпочитали возможности потанцевать на танцплощадке – посещению кинотеатра, но вот зимой – зимой мы дружно ходили в кино на все новые кинофильмы.

В нашем кинотеатре «Победа» сеансы начинались в 19 часов и в 21 час. И, естественно, в школе нам запрещали посещать последний сеанс, и так же естественно, что мы старались пойти на сеанс именно девятичасовый.

Ну, если нас замечали учителя – на следующий день нам «мылили холку». Но это – до последнего года обучения, а в нынешнем году на посещения кинотеатра в неположенное время все уже смотрели сквозь пальцы. Нам ведь всем исполнялось в этом году по 18 лет.

В связи с кино и нашим кинотеатром припоминается интересная история.

В позапрошлом году райком комсомола решил создать детский кинотеатр. И в него от нашего класса попали я и Гриня Каминский.

Все было организовано по-взрослому: был директор кинотеатра, администраторы, киномеханики.

Например, Каминский освоил специальность киномеханика и работал с кинопроекторами.

А я – я вместе с другими иногда стоял на входе в кинозал. И отрывал у ребятишек корешки билетов.

Детские киносеансы были по воскресеньям, начинались в десять часов утра, билет стоил 5 копеек.

Моя предприимчивость нет-нет, да и проскальзывала даже в те годы. И я решил организовать снабжение бесплатными билетами на детские киносеансы для нашей компании.

Сделать это оказалось весьма просто.

Мимо меня перед началом сеанса потоком шли ребятишки, суя мне в руку билеты. Вообще положено оторвать контрольный корешок и остаток билета вернуть зрителю. Но я стал иногда (чисто машинально!) некоторые билеты не рвать, а забирал их у ребятишек,

сминая в ладони и кивал головой – мол, проходи! А неразорванный билет, зажатый в руке, незаметно совал в карман.

Дома я выгребал из кармана эти билеты, а далее «работали» девчонки – они расправляли билеты, разглаживали их утюгом, и вскоре наловчились придавать им вид новеньких!

И наша компания ходила в кино бесплатно!

Но такую практику мне пришлось забросить буквально через пару месяцев – наши сателлиты принялись раздавать билеты на посещение кинотеатра налево и направо – друзьям и подружкам. Когда я узнал об этом – я пришел в ужас! Афера не могла не вскрыться – я уже упоминал, что наша Боговещенка – поселок маленький, так что такие вещи быстро становятся известны всем. Причем – и нежелательным лицам – также.

Так что я билеты притаскивать домой перестал, а вскоре и из администрации детского кинотеатра ушел – надоело!

Вот так мы и жили: ходили в кино, танцевали, дружили и влюблялись...

Но хочется вспомнить и еще кое-что. Из того времени, когда нам было лет по четырнадцать-пятнадцать.

Если идти по улице Кучеровых в западном направлении за поселок (мимо общежития медучилища), вскоре за последними домами открывались степные просторы. Бескрайние, лишь кое-где виднелись небольшие березовые рощицы.

Классе в 7—8-м мы частенько с Миутом, иногда – с Гемаюном, а то и с нашими девчонками уезжали сюда в степь на велосипедах.

Мы брали с собой картофель, и доезжая до края горчины, собирали лепешки овечьих кизяков и разжигали костер. Кизяки давали сильный жар, но быстро прогорали, так что нам требовалось около часа, чтобы набралось достаточно «углей» для того, чтобы спечь картошку.

Вот сейчас вспомнилось, что мы могли часами сидеть на краю горчины и смотреть вдаль. Горчина – это разновидность солонцевой трясины. Солонцы – засоленная почва, на которой не росло ничего, кроме редкой и жесткой травы. Такая почва представляет из себя серую поверхность с выступившими разводами белесых солей. А сама горчица была волнистой, коричневого цвета, и на всем ее протяжении не росло ни травинки.

Вот эта обширная неподвижная мертвая зыбь почему-то тянула к себе, привлекала внимание, и мы частенько, уставившись вдаль и замерев так, забывали о картошке и она сгорала.

Почему нам так нравилось приезжать сюда и сидеть, молча, ковыряя в зубах травинкой, смотреть на поверхность трясины, я не знаю до сих пор. Но ездить сюда мы перестали, наверное, только лишь после девятого класса.

Гораздо дольше мы посещала лесопосадки (лесополосы), расположенные к северу от поселка. Лишь только нынешним летом, перед последним учебным годом, мы стали слишком взрослыми, чтобы на велосипедах просто так, без дела, ездить за поселок в посадки километрах в двух от окраины Боговещенки.

А раньше... Раньше мы ездили сюда за ягодой.

Здесь недавно были разбиты плантации малины. Кустики ее были еще молодыми, ягод почти не было, и поэтому сбор ее не производили. Ну, а нам доставляло удовольствие ходить с кружками в руках и собирать ягодки по одной то тут, то там. Иногда удавалось набрать поллитровую банку, и тогда мама варила фруктовые вареники с малиной.

До которых был очень охочь все тот же Миута.

Но плантации стали охранять, и это совпало с временем нашего взросления.

И конечно, мы купались в нашем озере.

В Боговещенке озеро располагается прямо в центре поселка. На его берегу расположены кинотеатр «Победа», наша школа и наш районный парк.

Когда-то, в младших классах, во второй половине мая мы купались в озере прямо во время занятий.

На большой 15-минутной перемене, которая была около 11 часов, сразу после звонка мы пулей летели из школы. Уже перебегая через улицу Ленина, которая выходила прямо к озеру, мы на ходу снимали с себя рубашки, и размахивая ими над головой, на берегу быстро снимали с себя брюки и бросались в воду.

По весеннему холодная вода обжигала тело, но мы плескались, орали, ныряли, и уже через пять минут одевались на берегу.

В класс мы заскакивали сразу после звонка на урок и потом сидели на мокрых сидениях парт – выжать после купания трусы у нас возможности не было, так что до конца занятий в этот день мы ходили по школе с мокрыми задницами.

Я говорю, конечно, о мальчишках.

Ну, а на летних каникулах мы не вылезали из воды. Тогда летом было очень жарко, и спасение было одно – плескаться в воде.

Вода в озере была чистой, так как на южном берегу, где никогда не купались – земля здесь солонцовая и жесткая, была пробурена скважина, и круглые сутки в озеро текла чистая пресная вода. Так что озеро даже в жаркое лето не пересыхало.

Мы плавали на камерах от грузовых автомобилей, причем делали из них подобие резиновых лодок. Для этого накачанная воздухом камера перетягивалась посередине широкой полосой из резины. И тогда на ней можно было лежать, покачиваясь на воде, и даже вздремнуть.

Дожди летом были редки, а если и шли – то в виде гроз. И после них почва парила, высыхая, а через пару часов мы ходили прямо в поселке и срезали на обочинах улиц молодые шампиньоны (у нас их называют «печерицами»).

На озере мы не только купались. Мы пускали также кораблики.

Их вырезали ножом из толстых слоев коры сосны. Вырезанный корпус был легким, в нижней его части укреплялся киль из деревянной линейки, а сверху делались из палочек мачты, на которых нанизывались обычные бумажные паруса.

Мы шли с корабликами в руках на берег озера и отслеживали направление ветра. Тут важно было не ошибиться – иначе кораблик мог где-нибудь на середине озера перевернуться.

Но если нам везло и мы правильно угадывали направление легких дуновений ветерка, то запустив кораблик, мы могли встретить его через полчаса или час на противоположном берегу нашего «моря». И вот если все получалось, как надо, при приближении кораблика к берегу и владелец, и зрители начинали прыгать на берегу, размахивать руками и кричать.

Убежден, индейцы на Карибских островах встречали корабли Колумба с гораздо меньшим энтузиазмом.

Что касается меня, то я ездил почти каждое лето на море. Либо в Крым, на Черное море, либо в Азербайджан – на Каспий.

Может быть, когда-нибудь я напишу и об этом. Пока лишь скажу, что и там у меня были друзья, поэтому каждый год меня ждали и мне были рады.

Вот с тех пор я люблю ездить на поезде. И всегда пользуюсь поездами при первой возможности.

Уже с прошлого года мы почувствовали себя взрослыми. И эти детские забавы сначала отошли на второй план, а затем как-то незаметно просто сменились другими занятиями.

Мы теперь гуляли по нашему Бродвею, обязательно ходили вечерами на танцы либо в кино. А днем – перезванивались по телефону, встречались с девочками, большинство посещали стадион либо спортзал.

Молодежь поселка делилась на группы. Была, например, «золотая молодежь» – они носили демисезонные пальто цвета морской волны либо темнозеленые, весной и осенью – шляпы (невиданная вещь для нас, простых смертных!).

Насколько я знаю, группировались они вокруг работников райкома комсомола и считали себя молодежной элитой. Правда, они были постарше нас, а многие даже уже отслужили в армии.

Впрочем, их было не так уж и много – человек пять-семь.

Что касается нас, одиннадцатиклассников, то мы тоже зимой 1966 года решили «выпендриться». И побить выпендреж «золотых».

С этой целью мы попросили наших мам сшить нам галстуки-бабочки.

Мама Вовки Чернявского хорошо шила, она-то и сделала выкройки этих вроде и незатейливых, но ведь новых для нашего поселка швейных изделий!

По ее вырезанным из бумаги лекалам и другие мамы сшили «бабочки» и мы опробовали их в танцах в соседнем райцентре Патриотово – у Миуты здесь жили близкие родственники, и как-то мы втроем: Миута, я и Вовка Чернявский поехали на выходные туда в гости.

Вечером в субботу мы пошли в местный РДК на танцы.

На нас были белые рубашки, черные костюмы и бабочки, мы вели себя сдержанно и с большим достоинством. Это не могло понравиться местной молодежи, но у нас нашлись почитатели! И когда объявили последний танец, к нас подошли несколько ребят и вывели наружу черным ходом.

Они же вынесли нам пальто – дело было в начале декабря.

– Бегите! – сказали они нам. – Вас бить собираются!

Мы с хохотом унеслись от темных задворков РДК по снежным улицам к дому родственников Миуты, где переночевали, а наутро уже ехали в автобусе назад, домой.

Вот этот-то успех и привел нас к мысли, что наш последний Новый год (а мы понимали, что скорее всего – разведемся летом, и может быть, больше не увидимся) нужно провести как-то необычно.

А домашние задания в тот год мы почти не выполняли. Точнее, выполняли, но «спустя рукава».

А если выполняли старательно – это порой принимало странную форму и приводило к весьма далеким от обычных результатам.

В конце сентября (как раз в ту пору, которую именуют «бабьим летом»), как-то в субботу мы с Миутом пошли в Пищепромкомбинат. (или в просторечии – Райпищепром).

Руководил этим перерабатывающим предприятием отец Валерки – Василий Иванович Миут.

Зачем же мы сюда шли? Ну, все дело в домашнем задании, которое нам дали на уроке обществоведения.

Мы познакомились с понятием «социальная сфера». И вот всем нам поручили задание изучить социальную сферу какого-нибудь предприятия нашего поселка. Их распределили между нами. А так как предприятий было немного, на каждое были направлены по два ученика.

Все, что нам было нужно – это придя на предприятие, в отделе кадров взять сведения о средней зарплате работников предприятия, их количестве, о возрасте работающих, коли-

честве инвалидов. И в частности – о бывших фронтовиках, о том, какие награды они имеют, ну, и все прочее.

Мы с Валеркой все тянули с выполнением задания, но вот уже оставалось всего несколько дней, и нужно будет сдать записанные данные нашей «Орангутанге».

А поскольку учитель по обществоведению был требовательным и с ним «на дурачка» «прокатить» не могло, мы с Миутом решили пойти в Пищепром в субботу. По субботам у нас были занятия «шоферского дела» – мы изучали в специальном помещении весь день (не совсем весь, а лишь до обеда, конечно) устройство автомобиля, правила движения, и так далее.

Напоминаю – выходной день в 60-е годы был один – воскресенье, и это касалось не только учебных заведений.

Николай Иванович, наш преподаватель автодела, был человеком либеральным – это с одной стороны. А с другой – Пищепром находился прямо рядом с нами – на пересечении улиц Кучеровых и Степной, то есть – буквально в полусотне метров от наших с Миутом домов, и было просто глупо не зайти с утра на предприятие, а уж затем идти на занятия. Ну, с опозданием на час-два, так и что?

И вот мы с Валеркой зашли на завод (а фактически Пищепром – мини-завод по изготовлению вин, фруктовых соков, мороженого).

Сразу, как только мы вошли, Валерка сказал мне:

– Толя, ты иди в отдел кадров, а я пойду по цехам пройдуся.

Я и пошел. Встретиться с начальником отдела кадров, переговорить с ней, затем – с работницей, которая и дала мне все необходимые сведения из ежегодных отчетов, было делом получаса. Я все записал и пошел искать Миута. Я заглянул в один цех, другой, и нашел его в цехе готовой продукции.

Он дегустировал продукцию комбината.

– Толя, смотри! – он показал мне на свет рубинового оттенка жидкость в стакане.

– Ну, и что это? – спросил я.

– Говорят, лимонад! – ответил Миута, отхлебывая из стакана.

– Лимонад, лимонад! – подтвердила улыбчивая работница, наливая в стакан жидкость и подавая мне.

Я отхлебнул – было вкусно. И я допил содержимое стакана до конца.

– А вот – из облепихи... – подвела нас работница к следующей емкости.

И мы попробовали жидкость теперь уже золотистого цвета.

– А вот здесь у нас...

Экскурсия продолжалась.

Часом позже мы с Валеркой шли по школьному двору, покачиваясь и придерживая друг друга. Было пусто – шел урок. Нам повстречалась лишь пионервожатая Жанна – и увидев нас, шарахнулась в сторону.

Дегустирование продукции Пищепрома не прошло для нас даром – мы были пьяными в зюзю!

Зайдя в класс автодела (он помещался позади школы, в здании бывшей мастерской), мы на пороге остановились.

– А вы где были? – спросил Николай Иванович, сквозь стекла очков разглядывая наши покачивающиеся фигуры.

И наша группа в количестве 25 человек хором ответила:

– В Пищепроме!

– Садитесь! – махнул, смеясь, рукой Николай Иванович.

В момент, когда я садился на табурет, я прекрасно видел, что Чернявский вытаскивает его из-под меня, но остановить движение не мог. И сел на пол, валясь на спину и задирая ноги.

Все захохотали. А я встал, ухватил табурет за ножку и занес его над головой, с целью опустить его на голову Вовки.

Тут все повскакивали, меня скрутили, Миута, бросившегося мне на помощь – тоже, и Николай Иванович отрядил четырех человек отвести нас домой.

– Пусть проспятся! – смеясь, сказал он.

Вот такое вот изучение социальной сферы промпредприятия у нас с Миутом получилось!

Да, а оценки за это задание по обществоведению мы получили хорошие. И Жанна никому не сказала, какими она нас видела после выполнения задания.

Глава 9-я. Наши мечты

Не могу сказать, что у нас были какие-то особенные, тем более – возвышенные, мечты. Нет, никто из нас, парней, не собирался становиться космонавтом. А наши одноклассницы – киноактрисами.

Мы ведь не были городскими, а значит – были проще. И мечты наши были простыми и насквозь приземленными. Медицинский, сельскохозяйственный, педагогический – к крайнем случае – политехнический институты. Кое-кто хотел поступить в университет, а Валя Иванкова – попробовать выучиться вокальному пению.

Так что...

Впрочем, влияние романтики не минуло и нас. Коснулся-таки нас романтический флер, ну что вы хотите – время было такое...

Дело было так.

Где-то в октябре 1965 года я, Миута, Чернявский, Бобров и Вовка Смертин однажды вдруг решили после школы стать геологами.

Скорее всего, на нас подействовала песня «Верность». Помните – «Буря смешала землю с небом, серое небо – с белым снегом, шел я сквозь бурю...», ну и так далее.

А тут как раз в Боговещенку вернулась аж из Ленинградского университета студента факультета журналистики Женька Спарчак. Она взяла академический отпуск на год, и вот тот год-то мы с ней тесно и заружили.

О, она была такая!.. У нее был магнитофон «Айдас» с записями песен Сальваторе Адамо и туристическими песнями, и она обожала нам рассказывать, как она училась, как проводила время, и самое главное – к а к и е э т о о т л и ч н ы е парни студенты-геологи... Они дружные, они помогают другу другу, ведь жизнь геологов, полная трудностей и опасностей, сплачивает людей, у них проявляются настоящие мужские качества.

Она нас заразила этой геологией, и мы всерьез засобирались поступать после окончания школы на геологический факультет.

Мы стали читать книги о геологах, слушать песни о таежной романтике...

Да что там – слушать! Те из нас, кто играл на гитаре, пели такие песни, а мы подпевали. Вспоминаются, например, такие слова:

Оставь свою печаль
до будущей весны,
На север улетают самолеты...
Гремит ночной полет
по просекам лесным,
Ночной полет – не время для заботы.

Таятся в облаках
незримые дожди,
Не время подводить еще итоги...
У этих облаков
все грозы впереди —
Вдали у нас – дороги, да дороги...

Мы бросили к чертям
пшеничные хлеба,
Сменили на махорку сигареты,

Теперь у нас с тобой
единая судьба,
Один рассвет, ладонями согретый.

Простите города,
простите вновь и вновь,
Но должен кто-то на Земле дежурить...
Ни деньги, ни уют,
ни чья-нибудь любовь,
Уж не вернут нас к желтым абажурам.

Ни мартовская льды,
ни летняя жара,
Ни обелиски под звездой жестяной,
Не оборвут следов
к пылающим кострам,
К непройденным вершинам безымянным...

Не правда ли, трогательные слова? Правда, к будням настоящих геологов все это отношения почти что не имеет (разве что обелиски со звездочками вверх), но тогда мы об этом не знали. И всерьез все (Миута, Чернявский и я) собрались поступать на факультет геологии в Новосибирске.

Мы собирались вместе, мы только и делали, что разговаривали о том, как это здорово – лазить по горам и открывать новые месторождения. Мы бредили геологией, и болтали об этом, в отличие от того же Заславского.

Который никому ничего не говорил, а просто после школы взял – и поступил в институт геодезии и картографии.

А мы слишком уж размечтались. И вот когда начали узнавать, где, кроме Новосибирска, есть еще факультеты минералогии и геологических изысканий, до наших родителей донеслась тревожная весть! Их чада собираются сгинути где-нибудь в тайге или песках...

И наши родители взяли нас в жесткую обработку.

Не знаю, что говорили родители Чернявскому и Боброву, но меня они убеждали, что у меня здоровье слабое, я ведь вон и школу сколько пропускал из-за хронического бронхита, а там – там ведь нужно зимой жить в палатке, и я обязательно простыну и наверняка в результате помру.

Я, как мог, отбивался. Ни фиги подобного, говорил я, другие могут – и я смогу!

Но в конце концов не выдержал прессинга и уступил. И отказался от такой заманчивой мечты... И Чернявский, и Бобров – тоже.

А Миута, оставшись в одиночестве, на геолога учиться тоже передумал.

Так что к Новому году мы подходили без мечты в голове. А ведь известно, как Новый год встретишь, так весь год и...

Глава 10-я. Каким же я был?

Ну, прежде всего, я, наверное, все-таки был каким-то необычным.

Видите ли, тогда мы ни в бога, ни в черта не верили. А об экстрасенсах никто в нашей Боговещенке и слухом не слыхивал. Даже слова такого мы не знали.

Так что в мистику и подобное ей мы не верили.

Однако трудно объяснить с позиций материализма некоторые факты моей жизни.

Сейчас, когда мне вот-вот исполнится восемнадцать лет, я припоминаю некоторые странности, которые трудно объяснить вот так вот, сходу – отвергая ту же мистику.

Например, эпопея с китайским фонариком.

Примерно году в 1962, когда я учился в 5 классе, у нас с поселке началось повальное увлечение китайскими круглыми фонариками, которые были необходимым атрибутом наших игр поздними вечерами.

Фонарики эти были такими.

В круглый серебристого цвета корпус вставлялись две круглые батарейки диаметром сантиметра три. Отражатель был зеркальный, а лампочка – с точечной спиралькой, и благодаря этому можно было отрегулировать световой поток так, что свет фонарика фокусировался в точку, и тогда луч светил далеко – метров на тридцать!

При игре в темноте в войнушку, в прятки такой фонарик был просто необходим! И поэтому он был мечтой любого пацана.

И вот этот фонарик буквально не давался мне! Вот что я имею в виду.

Первым фонариком я обзавелся в столице. Когда мы поехали в Крым и остановились на пару дней в Москве, я спросил у своего дяди, можно ли купить здесь такой фонарик. Тот позвонил своему родственнику, дяде Леше, который служил в милиции. И вот Леша взял меня с собой и мы поехали по городу искать для меня этот фонарик.

Где мы только не были! И в крупнейших магазинах, и на ярмарке в Лужниках, и в конце концов дядя Леша нашел-таки мне этот фонарик, купил и подарил его мне!

Все лето (в Крыму) я каждый день брал его в руки и предвкушал, как буду хвалиться фонариком перед Миутом.

Но на обратном пути, в поезде, я засунул его под подушку на полке и когда мы выходили – наверное, забыл его там.

В общем, дома после того, как мы разобрали вещи, его не оказалось. Горе моему не было предела.

Следующий такой фонарик мне через несколько месяцев подарил мой другой дядя, муж маминой сестры. Они жили в Казахстане, он был директором сельского ПТУ, и – членом правления местного коопторга.

Мы приезжали к ним на Новый год и я попросил дядю помочь с фонариком. Он сходил на склад торгового кооператива и купил мне фонарик.

В поезде, на пути домой, я вез его в мелкоячеистой сетке. И как он выпал по дороге – я не представляю. Но по приезде его в сетке не оказалось.

На этот раз я уже не горевал – я рассердился! И поклялся, что фонарик у меня будет.

Третий фонарик достал мне отец – он был в нашем районе в командировке – по линии райисполкома. И ему подарили такой фонарик. И я его потерял в первый же вечер, когда мы бегали на улице.

И лишь весной тот же Миута выручил меня. Так уж получилось, что у него оказалось два фонаря. И я выменял его на одну из своих книг, которую Валерка жаждал иметь в личном пользовании.

Когда через пару лет появились первые авторучки со стержнями с пастой и шариком вместо пера (их назовут позднее «шариковыми ручками»), началось то же самое.

Я вез из Москвы такую ручку с четырьмя разноцветными стержнями! В Боговещенке все должны были ахнуть! И потерял ее снова в дороге.

Мне привозит такую ручку из Барнаула отец – ее у меня воруют...

И так далее.

Такие вот странности сопровождали мое детство.

Но наиболее странные и неприятные вещи со мной начали происходить именно нынче, в декабре, перед Новым годом.

Все началось несколько раньше, еще в ноябре. В одну из ночей я проснулся и вдруг почувствовал, что рядом со мной в комнате есть н е ч т о. Оно было опасным, страшным, и я сжался под одеялом. Потом набрался храбрости, собрал все силы в комок и рывком бросил себя к двери, где возле косяка находился выключатель. Я ударил по нему рукой, включил свет, и ничего в своей крохотной комнате не обнаружил.

Часы на стене показывали пять минут третьего.

Я выключил свет, спокойно лег под одеяло и уснул. А утром все прекрасно помнил – не «заспал» за ночь.

На следующую ночь все повторилось. Причем точно в то же время. В два часа.

Я испугался. И на следующий же день пошел и купил в хозяйственном магазине садоводческий складной нож (с кривым лезвием, для обрезания веток деревьев).

Теперь я стал на ночь класть открытый нож под подушку. Ведь это ощущение присутствия чего-то в комнате не исчезало – и теперь, просыпаясь в два часа, я сначала медленно, украдкой совал руку под подушку, брал нож за рукоять, и затем рывком бросался к выключателю с ножиком в руке.

А дальше все текло словно бы по регламенту – взгляд на часы – «два часа ночи с копейками», беглый осмотр комнаты – пусто, и я ложусь спать.

Станным было то, что ложась после всего этого в постель, я ничего не боялся, и уже через пять минут крепко спал. До утра!

Так продолжалось недели две. Потом это все прекратилось, и сменилось странными снами.

Сны были цветными, и какими-то сюрреалистичными, что ли...

Например, сон о некоей планете.

Я – вождь. Я сижу на каком-то животном (совершенно не вижу, каком именно, но знаю точно – именно на животном!) и смотрю на свою армию, которая длинной колонной, словно река, течет мимо меня, поднимаясь снизу на гору, при этом петляет между скалами и странными приземистыми растениями темно-красного цвета. Мои бойцы – не люди. Я также это знаю, но вот что они представляют из себя – описать не могу. Знаю только, что я – полководец, и что мимо меня двигаются мои славные воины.

Я просыпаюсь – утро, прекрасно помню сон, но именно лишь то, что я только что рассказал.

Или – другой сон. Какое-то странное место. Низкое багровое небо, покрытое тучами. Какие-то строения. И я прячусь. От чего-то жуткого. И вот вдали раздается рев, он быстро приближается, и я начинаю убегать. Я петляю в каких-то проходах, вбегаю под арки, но рев все ближе, и он за спиной.

В последний момент я прячусь за выступ стены, и рев, минуя меня, удаляется. Я перевожу дыхание. Но ненадолго. Рев приближается ко мне снова, я опять бегу, и опять удачно прячусь.

И так – всю ночь.

И главное, что никого, кроме меня, там нет. Ни людей, ни животных: только строения, низкое багровое небо, и это нечто.

Яркие красочные сны сменили сны, несущие с собой весьма неприятные и в высшей степени реалистичные ощущения. Вот один из них.

Я бегу изо всех сил. Некто гонится за мной. И я никак не могу убежать. И вот он догоняет меня и я чувствую, как под лопатку мне вонзается лезвие ножа.

И просыпаюсь, корчась от боли, с ножом под лопаткой. Я лежу на постели, изогнувшись дугой, так как боюсь, что если опущусь на спину – надавлю тем самым на рукоятку и нож вонзится в меня еще глубже. И вот так я лежу, и боюсь пощупать спину рукой, так как мне страшно – а если я нащупаю и взаправду рукоятку ножа?

А боль не ослабевает...

Но вот я тихонько просовываю руку под спину, тяну кисть и – раз! Рукой прижимаю болезненное место – там пусто, и боль тут же исчезает как по волшебству...

Вот такие вот сны. С весьма реалистичными ощущениями...

Но апогеем послужил сон «с протяженностью в реальность», когда я проснулся и, уже будучи совершенно в бодрствующем состоянии, почувствовал некий дискомфорт.

Я повернул голову вправо – рядом была стена. Повернул голову влево – и не сразу, но обнаружил несоответствие.

И оно меня ужаснуло. Дело в том, что я привык, что прямо мимо моего лица лунной ночью всегда светил призрачный голубой луч. Было как раз полнолуние, и луч светил, но был далеко внизу, а не возле моего лица.

И тогда я посмотрел на потолок – он оказался прямо перед моими глазами. И я понял – я завис над кроватью! Высоко, метрах в двух над постелью.

И как только я осознал это, я упал вниз, и некоторое время раскачивался на сетке постели. Я миглом вспотел, волосы мои встали дыбом от страха.

Но я уверен – мне это не померещилось, все так и было! Я ведь проснулся и все это обнаружил, когда уже не спал.

И вот с этой ночи, словно бы по волшебству, прекратились мои ночные н е п о н я т к и. Было это примерно числа 25 декабря.

К явлениям необычным, касающимся меня, я отношу и интерес, который начали проявлять именно в то время ко мне девочки необычные. Я ведь не был красавцем – Миута, на мой взгляд, был гораздо симпатичнее. Да и других ребят вокруг с довольно красивой внешностью было много.

Но что-то ведь тянуло почему-то ко мне именно девочек необычных – лидеров, наших капризных красавиц. Атаманша молодежи КСК Тома или китайка Лара, безусловный лидер молодежи Базы в Азербайджане, были и еще кое-кто... Та же Рукавишникова – что она могла во мне найти? Что же, как говорится, подобное стремится к подобному? А почему?

Да, с точки зрения развития интеллекта я был, конечно, «на высоте». Но по складу характера был упрям, перед девчонками робел. А если говорить об идеале, то моим идеалом был Д'Артаньян из «Трех мушкетеров» Александра Дюма. Человек хитрый, склонный к интригам. Честолюбивый, но не стремящийся выдвинуться на передний план.

Заметили, что все во мне было противоречивым?

Мне было склонно также некое мессианство – я стремился помогать людям, и защищать тех, кого, как я считал, нужно было защищать. Помните мои скандалы Миуте из-за дефлорации девочек?

Прошедшим летом в Азербайджане, на пляже, мой друг Надир усмотрел красивую девочку лет шестнадцати. Это была блондинка с голубыми глазами и дивной белой кожей.

– Сегодня я ее вы... у! – заявил он, и принялся ухаживать.

«Черта с два!» – сказал я себе. «Такие девочки должны счастливо выходить замуж чистыми и рожать детей».

И я ходил за ними следом. И так и не дал Надиру ничего сделать.

– Ара, зачем так делаешь? – сказал он мне позже, уже вечером. – Сам не е...шь и мне помешал?

Я ему объяснил свой взгляд на ситуацию, он лишь махнул рукой.

Но если закончить характеристику своего психологического портрета, скажу так. Думаю, я был скорее слабым человеком, чем сильным, и трусом, а не храбрецом.

Ну, вот, примерно – так...

Глава 11-я. Новый 1966-й, год – и вновь Рукавишникова

Как я уже говорил, этот Новый год был нашим последним новогодним праздником, через полгода мы должны были закончить школу и почти все разъехаться.

К этому времени мы с Миутом сдружились с Чернявским, Бобровым, Белоперовым, еще кое с кем. Эти ребята закончили школу в прошлом году, и по разным причинам остались в Боговещенке.

И вот наша компания решила отметить новогоднюю ночь необычно, в высшей степени экстравагантно.

После нашего потрясающего успеха с галстуками-бабочками мы стали думать, что еще новенькое можно придумать в качестве декорации новогодней ночи? И, кстати, как решить вопрос с девчонками – ведь одноклассниц приглашать мы не хотели, а без девочек – какой же Новый год? Пьянка – да и все!

Лишь одного меня не интересовала эта сторона праздника. Я, как вы помните, был влюблен в Разину из Славгородского педагогического техникума. И как раз в это время она в очередной раз сообщила мне в письме, что на Новый год приехать не сможет. Опять неотложные дела дома.

Так что я был в подавленном настроении и вопрос о девочках меня совершенно не волновал.

Однако если этот вопрос не волновал меня, то вопрос о достойнейшем проведении праздничной ночи остальных моих товарищей волновал. А в нашей компании генератором идей был я. И Миут начал меня убеждать, что «мол, надо!», давить всячески на меня: «Давай, не раскисай, ну, чего ты, не мужик, что ли?» и так далее в подобном же духе. От него не отставали и остальные.

И они раскачали меня. И сначала я включил фантазию, потом и мои друзья – также, и совместными усилиями был выработан следующий план.

Наш внешний вид – кроме галстуков-бабочек на нас должны были быть темные костюмы, на руках – кожаные перчатки, на лице – темные очки. А чтобы нашему внешнему виду соответствовал окружающий антураж, было решено использовать в светильниках только разноцветные лампы.

На эту мысль навела как раз в то время (и весьма кстати!) попавшая кому-то из нас в руки синяя электролампочка.

Меню праздничного стола нас интересовало мало, да и жизнь 60-х годов была в основном скромной, так что решили, что нам вполне будет достаточно того, что приготовят мамы. Коих мы заранее начали всячески подготавливать: я, например, «капал на мозги» маме, постоянно напоминая, что это – наш последний Новый год, что скорее всего – мы не увидимся больше никогда на Новогодних праздниках, ну, и прочее в этом же духе.

Все остальные действовали, думаю, примерно в том же ключе. И в итоге наготовили нам родители еды более чем достаточно.

Но если ассортимент съестного нас не интересовал, то напитки – весьма и весьма заботили.

Водку в то время мы не пили. А вина в наших магазинах были лишь местного изготовления – ну, вроде тех, что мы с Миутом дегустировали в Пищепроме в сентябре.

Ладно, решили мы, экзотика, так экзотика! И решили приготовить в качестве основного напитка на праздничный стол коктейль «мартини».

Но для этого, как известно, необходимы такие ингредиенты, как джин и настоящий вермут. Ну, а также лимон.

Вещами для нас недоступными были вишенки и оливки, которые, как известно, помещаются в бокал с мартини. Этими буржуазными излишествами мы единогласно решили пренебречь!

Требовались также сигареты – что-то необычное и дорогое. Деньгами, кстати, мы стали запасаться задолго до праздника – копили, выпрашивали при малейшей возможности у родителей. А у меня была также возможность разжиться «малой толикой» денсредств у своих дедов – примерно в ноябре к нам в Боговещенку приехали на постоянное жительство родители мамы – они продали дом и сад в Азербайджане и теперь намеревались, пожив у нас немного, сразу после новогодних праздников уехать в Казахстан – там у маминой сестры и дом был побольше, и работала моя тетка неполный рабочий день – дядя был директором ПТУ и неплохо зарабатывал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.